

Лиза Джейн Смит
Дневники Стефана. Жажда крови

Дневники Стефана – 2

Перед вами захватывающая предыстория событий, описанных в книгах серии «Дневники вампира».

Рассказ о любовном треугольнике, жажде крови и о тех, кто мог бы жить вечно...

Когда возлюбленная превратила Стефана Сальваторе в вампира, его мир рухнул, а привычной жизни пришел конец. Стефану и его брату Дамону пришлось бежать из родного города, где им грозила смерть от рук собственного отца и соседей.

В поисках убежища братья направились в Новый Орлеан. Однако там их ждало куда больше опасностей, чем они могли себе представить. Город оказался полон вампиров... и охотников на вампиров. Сможет ли Стефан избежать всех ловушек? Чем обернется для него вечная жизнь: бесконечным наслаждением или вечным проклятием?

Предисловие

Поэты и философы, которых я когда-то любил, били неправы. Смерть приходит не ко всем, течение времени не притупляет воспоминаний и не обращает тела в прах. Меня признали мертвым и установили на холодной земле могильный камень с моим именем. Он символизировал конец земного пути, но на самом деле моя жизнь тогда только началась. Как будто я долгие годы спал, прозябал в темноте, а потом проснулся, и мир оказался ярче, вольнее и интереснее, чем я когда-либо воображал.

Люди, которых я знал, продолжали существовать так же, как я раньше. Они тратили свои короткие жизни на посещения рынка, возделывание полей и поцелуи украдкой, после заката солнца. Для меня они стали всего лишь тенями, значащими не больше чем испуганные белки и кролики, который скачут по лесу, не осознавая мира вокруг.

Но я не был тенью. Я был жив — и одновременно неподвластным страху смерти. Я победил смерть. Я большее не был случайным гостем в этом мире. Я был его хозяином, и вечность должна была склониться предо мной...

1

Стоял октябрь. Деревья на кладбище стали мертвыми, коричневыми, в листве шуршал холодный ветер, сменивший удушливую жару виргинского лета. Не то чтобы я ее чувствовал... Мое тело, тело вампира, ощущает только тепло будущей жертвы, согреваясь лишь ожиданием горячей крови, которая побежит по моим венам.

Жертва была всего в нескольких футах: девушка с каштановыми волосами лезла через ограду раскинувшегося рядом с кладбищем поместья Хартнетт.

«Клементина Хейверфорд, разрешите узнать, почему вы не в постели в такой поздний час?» Мое игривое настроение плохо сочеталось с терзавшей меня мучительной, горячей жаждой. Клементине не следовало здесь находиться, но Мэтт Хартнетт всегда был влюблен в нее и, несмотря на ее помолвку с чарльстонским кузеном Рэндаллом Хейверфордом, всякому было очевидно, что эти чувства взаимны. Она играла в опасную игру. Но вряд ли знала, что игра может стать смертельной.

Клементина прищурилась в темноту. Припухшие веки и следы вина на зубах ясно говорили, что ночь у нее выдалась длинная.

— Стефан Сальваторе? — задохнулась она. — Ты же умер.

Я сделал шаг к ней.

— Правда?

— Да, я была на твоих похоронах, — Клементина склонила голову набок. Она не слишком испугалась, потому что почти спала на ходу, устав от вина и украденных поцелуев. — Ты мне снишься?

— Нет, не снюсь, — хрипло сказал я.

Я схватил ее за плечи и притянул к себе. Она упала мне на грудь, и я услышал грохот ее сердца. От нее пахло жасмином, как и прошлым летом, когда мы играли под Плетеным мостом в одну из придуманных Дамоном игр на поцелуи, и мне удалось прикоснуться к ее корсажу.

Я провел пальцем по ее щеке. Клементина была моей первой любовью, и я часто думал, каково это — держать ее вот так. Я прижался губами к ее уху:

— Я не просто ночной кошмар, — прежде чем она успела издать хоть звук, мои зубы вонзились в яремную вену; кровь хлынула мне в рот, заставив застонать. Вопреки ее имени, кровь Клементины оказалась совсем не такой сладкой¹, как я воображал. Она была горькой и дымной, как кофе, пролившийся на горячую плиту. Но я продолжал глотать, пока не выпил

¹ Клементин — гибрид мандарина и горького апельсина

ее до конца, пока она не перестала кричать, а ее пульс не замедлился до предела. Она обвисла у меня на руках, а огонь в моих жилах и в моем желудке погас.

Всю неделю я охотился в свое удовольствие, и мне удалось установить, что мое тело нуждается в еде дважды в день. В основном я просто прислушивался к току живительной влаги в жилах жителей Мистик-Фоллз, очарованный простотой, с которой я мог отнять ее. Я был очень осторожен и выбирал объекты нападения среди постояльцев пансиона или солдат из Листауна. Клементина стала первой жертвой из числа тех, с кем я дружил раньше, — первой, кого будет не хватать жителям Мистик-Фоллз.

Отпустив жертву, я облизал губы, просмаковав последнюю каплю крови в уголке рта. Потом я вытащил ее с кладбища и отнес в каменоломню, где мы с Дамоном обитали с момента превращения.

Солнце только что показалось над горизонтом, и Дамон сидел у воды, безразлично уставившись в глубину с таким видом, будто хотел увидеть там все тайны Вселенной. С тех пор как семь дней назад мы пробудились вампирами, он постоянно был таким. Он оплакивал Катерину, вампиршу, из-за которой мы стали тем, кем стали. Хотя она и подарила мне могущество, я в отличие от брата был рад ее смерти. Она держала меня за дурачка, и, вспоминая о ней, я неизбежно вспоминал и то, насколько уязвимым я когда-то был.

Пока я смотрел на Дамона, Клементина застонала у меня на руках, приоткрыв один глаза. Если бы не кровь, стекавшая на голубое кружево отделки ее синего тюлевого платья, казалось бы, что она просто дремлет.

— Тссс, — прошептал я, убирая выбившиеся пряди волос ей за ухо. Что-то внутри меня убеждало, что я должен жалеть о том, что отнял ее жизнь, но я не чувствовал ничего подобного. Наоборот, я перехватил ее поудобнее, перебросив через плечо, как будто она была мешком зерна, и подошел к воде.

— Братик, — я бесцеремонно сбросил почти безжизненное тело Клементины ему под ноги.

Дамон помотал головой:

— Нет.

Губы у него были белые как мел. На лице темнели извилистые линии сосудов, похожие на трещины в мраморе. В слабом утреннем свете он походил на одну из разбитых статуй с кладбища.

— Ты должен пить! — резко сказал я, нагибая его к телу и сам удивляясь своей силе. Ноздри Дамона затрепетали. Запах крови одурманил его измученный разум, как и мой чуть раньше, и скоро он вопреки собственному сопротивлению приник к ране губами. Он начал глотать, сначала медленно, потом захлебываясь, как дорвавшаяся до воды лошадь.

— Почему ты продолжаешь меня заставлять? — безжизненно спросил он, морщась и вытирая губы тыльной стороной ладони.

— Тебе необходимо поддерживать силы.

Я ткнул тело Клементины носком покрытого засохшей грязью ботинка. Она тихо застонала, все еще живая. Пока, по крайней мере. Ее жизнь была в моих руках. Осознание этого и возбуждение звенели во мне. Все это — охота, победа, приятная дремота, которая всегда следовала за кормлением, — превращала предстоящую нам вечность в бесконечное приключение. Почему Дамон не мог этого понять?

— Это не силы. Это слабость, — прошепел Дамон, поднимаясь на ноги, — это ад на земле, и ничего не может быть хуже.

— Ничего? Ты предпочел бы умереть, как отец? — Я скептически покачал головой. — Тебе дарован второй шанс.

— Я о нем не просил! — резко ответил Дамон. — Я никогда не просил ни о чем подобном. Мне была нужна только Катерина. Она погибла, поэтому убей меня сейчас, и покончим с этим.

Дамон протянул мне заостренную дубовую ветку.

— Здесь, — сказал он и широко раскинул руки, подставив грудь. Всего один удар в

сердце — и его мечта будет исполнена. Воспоминания молнией пронесли перед глазами: Катерина, ее темные мягкие локоны, клыки, сверкающие в лунном свете, голова, откинута назад перед тем, как она впилась мне в горло, вечная лазуритовая камея, прятанная в ямке между ключиц. Теперь я понимал, почему она убила мою невесту Розалин, почему подчинила себе меня и Дамона, почему пользовалась своей красотой и невинной внешностью, заставляя людей верить ей и защищать ее. Такова была ее, а теперь и наша природа. Но вместо того, чтобы принять этот великий дар, Дамон полагал его проклятием.

Я сломал ветку об колено и забросил обломки в реку:

— Нет.

Хотя я никогда не признавал этого вслух, мысль о вечной жизни в одиночестве пугала меня. Я хотел, чтобы мы с Дамоном вместе учились быть вампирами.

— Нет? — повторил Дамон, распахнув глаза. — Значит, ты способен убить старую любовь, но не собственного брата?

Он швырнул меня на землю и встал надо мной, обнажив клыки, а потом плюнул мне на шею.

— Не усложняй себе жизнь, — посоветовал я, поднимаясь на ноги. Он был силен, но я, благодаря регулярным кормлениям, был намного сильнее. — И не обманывай себя, воображая, будто Катерина тебя любила. Она любила свое могущество и то, что могла получить от нас. Но нас она не любила никогда.

У Дамона загорелись глаза. Он помчался на меня со скоростью галопирующей лошади. Твердое как камень плечо врезалось в меня, отшвырнув к дереву. Ствол раскололся с громким треском.

— Она любила меня.

— Почему тогда она и меня сделала вампиром? — спросил я, поднимаясь перекатом и готовясь к следующему удару.

Слова возымели желаемый эффект. Дамон опустил плечи и пошатнулся.

— Отлично, — прошептал он, — тогда я сделаю это сам. — Он поднял другую ветку и направил ее себе в сердце.

Я выбил деревяшку и завернул ему руки за спину.

— Ты мой брат. Моя плоть и кровь. Пока я жив, будешь жить и ты. Вперед! — Я подтолкнул его в сторону леса.

— Куда — вперед? — тускло поинтересовался Дамон, позволяя мне тащить его за собой.

— На кладбище. Нам нужно посетить одни похороны.

В глазах Дамона появилась тусклая искорка интереса.

— Чьи?

— Отца. Ты не хочешь сказать последнее «прости» человеку, который нас убил?

2

Мы с Дамоном припали к земле в зарослях болиголова за мавзолеем, в котором покоились кости основателей Мистик-Фоллз. Несмотря на ранний час, вокруг разверстой дыры в земле стояло, понунив головы, почти все население городка. Облачко пара взлетало в лазурное небо с каждым выдохом толпы, как будто все благородное собрание курило дорогие сигары, а не пыталось перестать стучать зубами.

Мои чувства были настолько обострены, что я воспринимал всю сцену разом. В воздухе висел приторный аромат вербены — растения, лишаящего вампиров сил. Трава была покрыта росой, и каждая ее капелька падала на землю с серебряным звоном, а вдали звенели церковные колокола. Даже с этого расстояния я видел слезинку в уголке глаза Онории Фелл.

Внизу на кафедре переминался с ноги на ногу мэр Локвуд, пытаясь привлечь внимание толпы. Я мог даже различить над ним крылатую фигуру, статую ангела, отмечавшую место

последнего упокоения моей матери. Рядом располагались два пустых участка, где должны были быть похоронены мы с Дамоном.

Голос мэра прорезал холодный воздух. Моим сверхчувствительным ушам он показался таким громким, как будто мэр стоял совсем рядом.

— Мы собрались здесь, чтобы проститься с одним из славнейших сынов Мистик-Фоллз, Джузеппе Сальваторе, человеком, который ставил город и семью превыше себя самого.

Дамон ударил кулаком по земле и пробормотал:

— Семья, которую он убил. Любовь, которую он уничтожил. Жизни, которые он разбил.

— Ш-ш-ш. — Я прижал его предплечье к земле.

— Если бы я писал портрет этого великого человека, — Локвуд продолжал говорить, перекрывая всхлипы и вздохи толпы, — то по обе стороны Джузеппе Сальваторе я изобразил бы его павших сыновей, Дамона и Стефана, героев битвы с нечистью. Мы должны учиться у Джузеппе, подражать ему и быть готовыми избавить город от зла, зримого и незримого.

Дамон издал низкий быстрый смешок:

— На этом портрете должно быть дуло папашинной винтовки, — он потер грудь в том месте, куда всего неделю назад вошла отцовская пуля. Раны не было — на нас все заживает быстро, — но предательство мы не забудем никогда.

— Ш-ш-ш, — еще раз сказал я, потому что Джонатан Гилберт встал рядом с Локвудом, держа в руках большую раму, закрытую тканью. Джонатан, казалось, постарел за эти семь дней лет на десять: на загорелом лбу прорезались морщины, а в каштановых волосах появились белые нити. Я невольно подумал, какое отношение к изменениям в его внешности имеет Перл, вампирша, которую он любил, но приговорил к смерти, когда узнал, что она такое.

Я нашел в толпе сцепивших руки родителей Клементины. Они еще не знали, что их дочери нет среди печальных девушек, стоявших позади толпы.

Скоро они это обнаружат.

Моим мыслям помешали непрерывные щелчки, похожие на тиканье часов или постукивание ногтем по твердой поверхности. Я внимательно посмотрел на толпу, пытаюсь обнаружить источник звука. Звук был медленным, монотонным и механическим. Ровнее стука сердца, медленнее метронома. И он исходил, кажется, прямо из ладони Джонатана. Кровь Клементины бросилась мне в голову.

Компас.

Когда отец впервые заподозрил, что в окрестностях орудуют вампиры, он создал комитет, который должен был избавить город от этой заразы. Я посещал собрания, проходившие на чердаке у Джонатана Гилберта. Он изобрел какое-то приспособление, позволявшее узнавать вампиров; неделю назад я увидел, как оно действует. Именно так Гилберт узнал об истинной природе Перл.

Я ткнул Дамона локтем и сказал, стараясь не шевелить губами:

— Пошли отсюда.

Как раз в этот момент Джонатан посмотрел вверх, и его взгляд встретился с моим.

Он ткнул пальцем в мавзолей и завизжал:

— Демон!

Толпа повернулась к нам. Взгляды людей пронзали туман, как штыки. А потом что-то пронеслось мимо меня, и стена за нами взорвалась, окутав нас облаком пыли. Осколок мрамора чиркнул мне по щеке.

Я показал клыки и зарычал. Это был громкий, первобытный, ужасный рык. Половина толпы попрокидывала стулья и бросилась прочь с кладбища, но другая половина осталась на месте.

— Уничтожим демонов! — закричал Джонатан, размахивая арбалетом.

— Сдается мне, они имеют в виду нас, братишка, — сказал Дамон с коротким

безрадостным смешком.

Я сгреб его в охапку и побежал.

3

Таща Дамона за собой, я неся по лесу, перепрыгивая упавшие ветки и камни. Перемахнув через металлические ворота кладбища по пояс высотой, я обернулся, чтобы убедиться, что Дамон все еще следует за мной. Мы бежали по лесу. Звуки выстрелов походили на фейерверки, крики горожан — на звон битого стекла, их тяжелое дыхание — на низкие раскаты грома. Я слышал даже топот преследовавшей меня толпы, и то, как дрожала земля от каждого их шага. Я проклинал Дамона за упрямство. Если бы он не отказался от еды, то обрел бы полную силу, и наша скорость и ловкость позволили бы нам скрыться от преследователей.

А пока мы бежали сквозь заросли, вспугивая белок и мышей, и ток их крови ускорялся из-за близости хищников. На дальнем конце кладбища послышались ржание и лошадиный храп.

— Давай, — я рывком поднял Дамона на ноги, — мы должны двигаться.

Я слышал удары сердца, чувствовал запах железа и дрожь земли. Я знал, что толпа боялась меня больше, чем я ее, но, тем не менее, выстрелы пугали меня и заставляли рваться вперед. Из-за слабости Дамона мне приходилось почти тащить его на себе.

Раздался треск выстрела — намного ближе. Тело Дамона напряглось.

— Демоны! — Голос Джонатана Гилберта прорезал лес. Еще одна пуля просвистела рядом, задев мое плечо. Дамон обвис у меня на руках.

— Дамон! — Имя вышло таким похожим на «демон», что мне стало страшно. — Братишка!

Я потряс его, а потом снова потащил туда, где были лошади. Но, хоть я и только что поел, мои силы были небеспрельны, и звуки погони слышались ближе и ближе.

Наконец мы добрались до конца кладбища. Там к железным столбикам ограды было привязано несколько лошадей. Они били копытами и натягивали тугие привязи, выгибая шеи. Среди них была угольно-черная кобыла — моя старая лошадь Мезанотт. Завороженный, я устоял на ней. У кого же хватило смелости ее оседлать? Всего несколько дней назад я был единственным наездником, которому она доверяла.

Снова послышался топот. Я оторвал взгляд от лошади — сейчас не время для сантиментов — и вытащил из-за голенища принадлежавший отцу старый охотничий нож. Это была единственная вещь, которую я прихватил во время последнего посещения Веритас, нашего семейного поместья. Отец всегда носил нож с собой, хотя мне и не приходилось видеть, чтобы он им пользовался. Он не привык работать руками. Но в моих глазах нож воплощал силу и власть, присущие моему отцу.

Я провел лезвием по привязи Мезанотт, но на веревке не осталось ни малейшего следа. Посмотрев вниз, я впервые как следует разглядел этот нож: отполированный до парадного блеска тупой клинок, не способный разрезать даже шпагат. «В самый раз для отца», — с отвращением подумал я, швыряя нож на землю и хватая веревку голыми руками. Шаги становились все ближе, и я испуганно оглянулся. Хорошо было бы отвязать всех лошадей, чтобы Джонатан и его люди не смогли ими воспользоваться, но на это просто не оставалось времени.

— Здравствуй, девочка. — Я погладил Мезанотт по изящной шее. Она нервно била копытом, и сердце у нее колотилось. — Это я. — Я рывком сел в седло. Она попятилась; неудивительно, что я сильно ударил ее каблуками. Готов поклясться, я слышал треск ломающегося ребра. Она мгновенно сдалась, и я направил ее к Дамону. — Ну!

В глазах Дамона промелькнуло сомнение, но он ухватился за широкую спину Мезанотт и вздернул себя в седло. Не знаю, был ли это страх или инстинкт, но его готовность бежать подарила мне надежду, что нам все-таки не придется умирать.

— Убить их! — Кто-то швырнул в нас горящим факелом, описавшим дугу и ударившимся о траву у копыт Мезанотт. Трава тут же загорелась, и Мезанотт шарахнулась в другой конец карьера. Послышался стук копыт — это преследователи оседлали других лошадей и теперь висели у нас на хвосте.

Раздался ружейный выстрел, а за ним звон тетивы. Коротко заржав, Мезанотт взвилась на дыбы. Дамон чуть не упал, но успел вцепиться в лошадиную шею, а я дернул за кожаные ремни, пытаясь нас удержать. Всего через несколько шагов лошадь снова встала на все четыре ноги. Когда Дамон выпрямился, я увидел тонкую деревянную стрелу, торчавшую из лошадиного бедра. Это было умно. На таком расстоянии шанс ранить лошадь гораздо выше, чем шанс поразить одного из нас в сердце.

Низко пригнувшись, мы галопом неслись под нависающими ветвями. Мезанотт была сильной лошастью, но она берегла левую ногу, куда вошла стрела.

Струйка моей собственной крови стекала с виска и пачкала рубашку, а хватка Дамона на моей талии становилась все слабее.

Но я гнал Мезанотт вперед. Я полагался на инстинкт, на что-то более глубокое, чем разум и планы. Я как будто чувствовал запах свободы и должен был только верить, что приведу нас к ней. Я натянул повод и свернул из леса в поле за поместьем Веритас. В любое другое дождливое утро я увидел бы в окне нашего старого дома свет лампы, окрашивающий неровное стекло в оранжево-золотой цвет заката. Горничная Корделия пела бы в кухне, а кучер отца Альфред нес бы стражу перед входом. Мы с отцом в дружелюбном молчании сидели бы в утренней столовой. Теперь от поместья осталась только оболочка: темные окна, безжизненный парк. Веритас стояло пустым всего неделю, но казалось, будто поместье заброшено уже многие годы.

Мы перемахнули ограду и чуть не упали, приземляясь. Рванув поводья так, что трензель звякнул о зубы Мезанотт, я с трудом удержал ее. Мы пронеслись вокруг дома; из-за садика с вербеной, разведенного Корделией, моя кожа покрылась липким потом.

— Куда мы едем? — спросил Дамон.

Я слышал трех лошадей — Джонатан Гилберт, мэр Локвуд и шериф Форбс пересекали пруд за поместьем. Мезанотт хрипела, ее морда покрылась пеной персикового цвета, и я знал, что состязаться с ними в скорости бесполезно.

Вдруг утро прорезал низкий гудок поезда, заглушая стук копыт, ветер и металлический скрежет перезаряжаемого ружья.

— Мы сядем на поезд. — Я тронул бока Мезанотт. Собрав все силы, она прибавила скорость и перепрыгнула каменную стену, отделявшую Веритас от дороги.

— Ну же, девочка!

Глаза у лошади были дикие, испуганные, но она пробежала по дороге и вырвалась на Мэйн-стрит. Показалась сгоревшая церковь — почерневшие кирпичи торчали из серой земли, как зубы. Аптеку тоже сровняли с землей. На каждой двери висело распятие, а над многими красовались еще и гирлянды вербены. Я с трудом узнавал место, где прожил семнадцать лет. Мистик-Фоллз больше не был мне домом. Уже нет.

За нами набирали скорость лошади Джонатана Гилберта и мэра Локвуда. Впереди, лязгая колесами по рельсам, приближался поезд. Пена на морде Мезанотт порозовела от крови. Клыки у меня пересохли, и я облизывал высохшие губы. Интересно, постоянная жажда крови свойственна только новообращенным вампирам, или так теперь будет всегда?

— Готов, братик? — Я рванул поводья. Мезанотт остановилась, и я едва успел спрыгнуть до того, как она рухнула на землю с хлещущей изо рта кровью.

Грянул выстрел, и кровь потекла и из бока Мезанотт. Я схватил Дамона за руки и втащил нас обоих в служебный вагон за мгновение до того, как поезд прогрохотал мимо станции, оставив позади злобные крики Джонатана Гилберта и мэра Локвуда.

В вагоне стояла кромешная тьма, но ночное зрение помогало нам лавировать между куч угля. Наконец мы обнаружили дверь и оказались в спальном вагоне первого класса. Пока никто не видел, мы стащили рубашки и две пары брюк из оставленного без присмотра чемодана. Они сидели не идеально, но выбирать не приходилось.

Мы рискнули пройти по тряскому поезду в вагон второго класса и тут кто-то схватил меня за плечо. Я рефлекторно замахнулся и зарычал. Человек в форме кондуктора отшатнулся и глухо ударился о стенку купе.

Я сжал челюсти, чтобы не прорезались клыки.

— Простите! Вы напугали меня... — Я осекся. Собственный голос был мне незнаком. Всю прошлую неделю мне приходилось общаться в основном хриплым шепотом, и я удивился тому, насколько человеческим кажется мой голос. Но я был гораздо сильнее, чем можно было предположить по этим звукам. Я поставил кондуктора на ноги и поправил на нем фуражку:

— С вами все в порядке?

— Надеюсь, — ошарашенно ответил кондуктор, ощупывая собственные руки, как будто желая убедиться, что они на месте. На вид ему было лет двадцать, у него была землистая кожа и светлые волосы.

— Ваши билеты?

— Ах да, билеты, — голос Дамона звучал ровно, по нему никак нельзя было предположить, что всего несколько минут назад мы неслись галопом наперегонки со смертью, — они у брата.

Я метнул в него злобный взгляд; он улыбнулся в ответ, спокойно и насмешливо. Я посмотрел на него повнимательнее. Ботинки у него были грязные без шнурков, рубашка выбилась из брюк, но что-то — даже помимо орлиного носа и аристократического подбородка — придавало ему поистине королевский вид. Я с трудом узнавал его: это был не тот Дамон, с которым я вырос, и даже не тот, которого я начал узнавать на прошлой неделе. Теперь, когда мы бежали из Мистик-Фоллз к какой-то невидимой неведомой точке на горизонте, в Дамоне появилось что-то новое, спокойное и непредсказуемое. И в этих новых обстоятельствах я не знал, кто мы: компаньоны или заклятые враги.

Кондуктор обернулся ко мне и скривил губы, оценив мою непритязательную внешность. Я поспешно заправил рубашку в брюки.

— Мы очень спешили и... — Я растягивал слова, надеясь, что благодаря южному акценту слова будут звучать более искренно — и человечно. Он выпучил глаза как золотая рыбка, и тут я вспомнил вампирское искусство убеждения, которое Катерина с успехом на мне применяла: —...И я уже показал вам свой билет, — медленно добавил я, мысленно заставляя его мне поверить.

Кондуктор свел брови:

— Нет, не показали, — он тоже говорил очень медленно, тщательно артикулируя каждое слово, как будто разговаривал с безнадежно тупым пассажиром.

Я тихонько чертыхнулся и наклонился к нему:

— Я предъявил вам билет. — Я смотрел ему в глаза, пока мне самому не стало больно.

Кондуктор отступил на шаг и моргнул.

— Билет необходимо иметь при себе постоянно.

Я опустил плечи:

— Ну...

Дамон встал передо мной.

— Наши билеты в спальном вагоне. Извините, мы ошиблись, — он говорил низким, успокаивающим голосом. И ни разу не моргнул, глядя в полуприкрытые глаза. Лицо кондуктора стало бессмысленным, и он сделал шаг назад.

— Это моя ошибка. Проходите, джентльмены. Прошу простить за недоразумение, — он сказал это очень сухо, коснулся фуражки и отступил в сторону, пропуская нас в вагон-клуб.

Как только за нами закрылась дверь, я схватил Дамона за руку.

— Как ты это сделал?

Учила ли его Катерина делать голос низким, смотреть в глаза жертве и заставлять ее выполнять приказы? Я сжал челюсти, раздумывая, упоминала ли она, насколько легко ей удалось меня подчинить. Против воли я вспомнил Катерину, расширяющую глаза, умоляющую сохранить ее тайну, остановить отца, не дать убить ее. Я потряс головой, как будто пытаюсь вытряхнуть воспоминания из памяти.

— И кто теперь главный? — протянул Дамон, падая на пустое кожаное сиденье, зевая и потягиваясь, как будто готовясь вздремнуть.

— Ты собираешься спать?

— Почему бы и нет?

— Почему бы и нет? — повторил я одними губами и обвел рукой вагон.

Мы сидели среди хорошо одетых мужчин в пальто и шляпах, которые, несмотря на ранний час, деловито исследовали отделанный деревом бар в углу. Группа мужчин постарше играла в покер, а молодые люди в капитанской форме беседовали за стаканом виски. Мы были незаметны в этой толпе. Здесь не было вампирских компасов, способных раскрыть нашу истинную сущность. С тех пор как мы сели, никто даже не поглядел в нашу сторону.

Я уселся на оттоманку напротив Дамона:

— Видишь? Здесь никто нас не знает. Это наш шанс.

— Ты здесь единственный, кто ничего не знает, — Дамон втянул ноздрями воздух, — чувствуешь?

Теплый, пряный запах крови наполнил ноздри, а стук сердец вокруг напоминал треск кузнечиков летним утром. Жгучая боль пронзила десны. Я прикрыл рот рукой, оглянувшись — не заметил ли кто-нибудь внезапно возникших длинных клыков?

Дамон криво усмехнулся:

— Ты не свободен. Ты прикован к крови, к людям. Они ставят тебя в безвыходное положение, они нужны тебе. Они превращают тебя в убийцу.

На слове «убийца» сидевший через проход мужчина с рыжей бородой и иссушенным солнцем лицом бросил на нас короткий взгляд. Я выдавил мирную улыбку и прошипел:

— Из-за тебя у нас будут проблемы.

— Да-да, но вини в этом только себя, — ответил Дамон и закрыл глаза, сообщив таким образом об окончании беседы.

Я вздохнул и уставился в окно. Мы были всего в тридцати милях от Мистик-Фоллз, но мне казалось, будто все, что я знал, просто перестало существовать. Даже погода была другая — дождь прекратился, и осеннее солнце пробивалось сквозь клочковатые облака и через стекло, отделявшее салон поезда от внешнего мира. Это было интересно: хотя наши кольца и защищали нас от солнца, из-за пронизывающих плоть лучей хотелось спать.

Заставив себя встать, я нашел убежище в темном проходе между купе. Я прошелся от плюшевых сидений первого класса до деревянных скамеек второго.

Наконец я пристроился в пустом спальном купе, спустил занавески, закрыл глаза и открыл уши.

Надеюсь, солдаты Союза ушли из Нового Орлеана и оставили его нам...

Если вы увидите красоток Бурбон-стрит, девочки из Виргинии никогда не покажутся вам прежними...

Будьте осторожны. Там практикуют вуду, а еще там появляются демоны...

Я улыбнулся. Новый Орлеан показался идеальным местом для жизни.

Я устроился в импровизированной постели и позволил поезду убаюкать меня. Я обнаружил, что, отдохнув, охочусь гораздо лучше.

Днем позже поезд заскрежетал и остановился.

— Батон-Руж! — объявил кондуктор далеким голосом.

Мы приближались к Новому Орлеану, но мне казалось, что время ползет слишком медленно. Я прислонился к стенке купе, разглядывая пакующих багаж пассажиров, готовящихся сойти с поезда, и вдруг увидел зеленый билет, на котором красовался отпечаток подошвы. Я поднял его. Мистер Реми Пикар, Ричмонд — Новый Орлеан.

Сунув билет в карман, я ходил по поезду, пока не почувствовал чей-то любопытный взгляд и не обернулся. Две сестры мечтательно улыбались мне через окно отдельного купе. Одна из них плела кружева, вторая записывала что-то в дневник в кожаной обложке. За ними, как коршун, следила низенькая плотная женщина лет шестидесяти, одетая во все черное. Скорее всего, тетушка или гувернантка.

Я открыл дверь.

— Сэр? — Женщина обернулась ко мне. Я уставился в ее водянистые голубые глаза.

— Мне кажется, вы забыли что-то в вагоне-ресторане. Кое-что, что вам нужно, — я старался подражать низкому, уверенному голосу Дамона. Она отвела глаза, но я почувствовал, что она реагирует на мои слова не так, как кондуктор. Когда я пытался убедить его, мои мысли как будто натыкались на сталь, а теперь они словно бы проходили сквозь туман. Она подняла голову, прислушиваясь.

— Я кое-что забыла... — Она замолкла, сбившись. Но я чувствовал, что мой разум слился с ее, и понял, что она не сможет сопротивляться. И она, поерзав на сиденье, встала. — Да, думаю, забыла, — она повернулась на каблуках и ушла, не оборачиваясь. Со щелчком захлопнулась металлическая дверь купе, и я опустил тяжелые синие занавески, закрыв окошечко в вагон.

— Рад знакомству. — Я поклонился девушкам. — Меня зовут Реми Пикар, — продолжил я, незаметно покосившись на торчавший из нагрудного кармана билет.

— Реми, — тихо повторила более высокая девушка, запоминая.

Я почувствовал, что у меня режутся клыки. Я был голоден, а она так хороша... я сжал губы и заставил себя стоять спокойно. Рано.

— Наконец-то! Тетушка Минни никогда не оставляет нас одних, — сказала старшая девушка. На вид ей было лет шестнадцать, — она считает, что нам нельзя доверять.

— А вы считаете, что можно? — поддразнил я, начиная флирт. Compliments и ответы на них посыпались градом. Если бы я был человеком, я мог бы надеяться на пожатие руки или прикосновение губ к щеке, но теперь я мог думать только о крови, текущей по их жилам.

Я сел рядом со старшей девушкой. Младшая внимательно за мной наблюдала. От нее пахло гардениями и свежим, только что из печи, хлебом. Запах ее сестры — они должны были быть сестрами, судя по одинаковым каштановым волосам и быстрым голубым глазам, — был богаче, он напоминал мускатный орех и опавшие листья.

— Меня зовут Лавиния, а ее — Сара Джейн. Мы переезжаем в Новый Орлеан. — Она положила свое кружево на колени и сказала печально: — Вы знаете этот город? Боюсь, что буду ужасно скучать по Ричмонду.

— Наш папа умер. — Нижняя губа Сары Джейн задрожала.

Я кивнул, проводя языком по зубам и чувствуя прорезавшиеся клыки. Сердце Лавинии билось намного быстрее, чем у ее сестры.

— Тетушка Минни хочет выдать меня замуж. Реми, расскажите, как это. — Лавиния указала на кольцо у меня на безымянном пальце. Вряд ли она догадывалась, что оно не имеет никакого отношения к брачным узам, зато позволяет мне охотиться на девиц вроде нее при дневном свете.

— Жить в браке хорошо, если вы встретите правильного человека. Как вам кажется, вы его встретите? — Я уставился ей в глаза.

— Я... не знаю. Думаю, если он будет похож на вас, я буду считать, что мне повезло.

Я чувствовал щекой ее горячее дыхание и понимал, что не могу больше себя

контролировать.

— Сара Джейн, держу пари, вашей тетушке нужна помощь, — произнес я, глядя в бирюзовые глаза девушки. Она помолчала секунду, а потом извинилась и отправилась на поиски тетушки. Не знаю, подчинил ли я ее, или она просто послушалась меня, потому что она была ребенком, а я — взрослым.

— Ой, какой вы озорник, — Лавиния хлопала глазками и улыбалась.

— Да, — резко ответил я, — да, моя дорогая.

Я обнажил клыки, с удовольствием наблюдая, как ее глаза расширяются от ужаса. Лучшее в кормлении — это предвкушение, наблюдение за беспомощной, дрожащей, находящейся в моей власти жертвой. Я медленно наклонился, оттягивая момент. Прикоснулся губами к мягкой коже.

— Нет! — Она задыхалась.

— Тссс. — Я притянул ее ближе и коснулся клыками кожи, сначала нежно, потом сильнее и наконец вонзил зубы в шею. Ее стон перешел в крик, и я закрыл ей рот ладонью, глотая сладкую жидкость. Она тихо застонала, но скоро могла уже только беспомощно пищать, как котенок.

— Следующая остановка — Новый Орлеан, — голос кондуктора прервал мои грезы.

Я посмотрел в окно. Солнце висело низко, а почти мертвое тело Лавинии было очень тяжелым. За окном, как будто во сне, вставал Новый Орлеан. Я видел океан, безграничный и бесконечный. Похожий на жизнь, о которой я мечтал: бесконечные годы, бесконечные кормления, бесконечные красивые девушки со сладкими вздохами и сладкой кровью.

— «Горячей и желанной каждый миг, неутомимой, вечно молодой», — прошептал я. Эти строки Китса как будто были написаны про мою новую жизнь.

— Сэр! — Кондуктор постучал в дверь. Я вышел из купе, вытирая рот ладонью. Это был тот же кондуктор, который остановил нас с Дамоном у самого Мистик-Фоллз, и я заметил тень подозрения на его лице.

— Мы в Новом Орлеане, да? — Я все еще чувствовал вкус крови Лавинии.

Пшеничноволосый кондуктор кивнул:

— А леди знают?

— Да, конечно. — Я не отрывал от него глаз, одновременно вытаскивая билет из кармана. — Но они просили их не беспокоить. И я просил о том же. Вы меня никогда не видели. Вы никогда не были в этом купе. Если кто-то спросит, вы скажете, что, вероятно, какие-то воры сели на поезд после Ричмонда. Они выглядели подозрительно. Солдаты Союза, — импровизировал я.

— Солдаты Союза? — повторил кондуктор, совершенно запутавшись.

Я вздохнул. Пока я не научусь подчинять людей, придется прибегать к более надежному способу стирания памяти. Я схватил кондуктора за шею и сломал ее, как стебель душистого горошка. Потом зашвырнул его в купе Лавинии и закрыл за собой дверь.

— Ага, солдаты Союза. Они творят ужасные вещи, правда? — спросил я в воздух. А потом, насвистывая, отправился забирать Дамона из вагона-клуба.

6

Дамон сидел там же, где я его оставил. Перед ним стоял нетронутый запотевший стакан виски.

— Пошли. — Я грубо потряс его за плечо.

Поезд замедлял ход. Пассажиры собирали вещи и выстраивались в очередь за кондуктором, стоявшим перед черной железной дверью во внешний мир. Поскольку мы не были обременены поклажей, и сил у нас хватало, я решил, что лучше всего будет покинуть поезд тем же путем, которым мы вошли, — выпрыгнув из служебного вагона. Я бы хотел, чтобы к тому моменту, как обнаружится, что в поезде не все в порядке, мы были бы уже очень далеко от поезда.

— Хорошо выглядишь, братишка, — Дамон говорил легко, но меловая бледность и синяки под глазами выдавали, насколько он на самом деле устал и голоден. На мгновение я подумал, что лучше бы поделился с ним Лавинией, но тут же выбросил эту мысль из головы. Я должен вести себя твердо. Так отец воспитывал лошадей — не кормил, пока не переставали дичиться и не покорялись наезднику. Так же и Дамон. Его нужно сломать.

— По крайней мере один из нас должен сохранять силы. — Я повернулся к нему спиной и пошел в сторону последнего вагона. Поезд все еще тащился вперед, колеса визжали. Времени было мало. Мы пробрались через кучи угля к двери, и я с легкостью открыл ее.

— На счет три! Один... два... — Я схватил его за руку и прыгнул, ударившись коленями о жесткую землю.

— Обязательно надо покрасоваться? — Дамон поморщился. Я заметил, что во время падения его брюки порвались на коленях, а руки поцарапались о гальку.

— Тебе нужно есть. — Я пожал плечами.

Поезд загудел, и я решил осмотреться. Мы оказались на окраине Нового Орлеана, шумного дымного города, пахнущего маслом, древесиной и стоячей водой. Он был намного больше Ричмонда, самого большого города, который я знал. Но главное было не это. Воздух наполнял предчувствие опасности. Я усмехнулся. В этом городе мы сможем исчезнуть. Я двинулся по городу с нечеловеческой скоростью, хотя еще не привык к ней. Дамон тащился за мной, неуклюже, громко топая, однако не отставая. Мы прошли по Гарден-стрит, главной артерии города. Вокруг стояли домики, чистенькие и яркие, похожие на кукольные. Во влажном воздухе звучали голоса; кроме английской и французской речи я слышал совершенно незнакомые мне языки.

Слева и справа я замечал идущие к воде переулки, по обе стороны каждой улицы располагались торговцы, предлагавшие все, от только что пойманных черепах до привезенных из Африки драгоценных камней. Даже солдаты в голубых мундирах, стоявшие с мушкетами на каждом углу, казались атрибутами праздника. Здесь царил карнавал — когда мы были людьми, Дамон очень любил такие праздники. Я обернулся. Губы Дамона сложились в слабое подобие улыбки, и я никогда раньше не видел у него таких сияющих глаз. Это было наше общее приключение, и теперь, когда память о Катерине, тело отца и Веритас остались далеко позади, может быть, Дамон сумеет принять свою новую судьбу.

— Помнишь, мы хотели путешествовать по всему миру? Теперь это наш мир.

Дамон коротко кивнул:

— Катерина рассказывала мне о Новом Орлеане. Она жила здесь.

— Она бы хотела, чтобы ты завоевал этот город — чтобы жить здесь, быть здесь, чтобы найти себя и свое место в мире.

— Поэт... — ухмыльнулся Дамон, но последовал за мной.

— Может быть. Но я говорю правду. Все это — наше, — я раскинул руки.

Дамон кивнул, как будто решив что-то для себя:

— Ну что ж, отлично.

— Отлично? — повторил я, боясь поверить. Впервые с момента нашей драки в карьере он смотрел мне в глаза.

— Да. Я пойду за тобой. — Он обвел рукой квартал. — Итак, где мы остановимся? Чем займемся? Покажи мне этот прекрасный новый мир.

Дамон изогнул губы в улыбке. Я не понимал, издевается ли он надо мной или говорит серьезно, но предпочел поверить во второй вариант.

Я втянул воздух ноздрями и тут же уловил запах лимона и имбиря. Катерина. Плечи Дамона напряглись — он тоже должен был это почувствовать. Не говоря ни слова, мы развернулись и помчались по безымянному переулку за женщиной в атласном сиреновом платье и большой шляпе, прикрывавшей темные кудри.

— Мэм! — окликнул ее я.

Она повернулась. Бледные щеки оказались густо наруганы, а глаза — подведены

углем. На вид ей было около тридцати, и морщины уже прочертили ее чистый лоб. Завитые волосы спадали по обе стороны лица, а низко вырезанное платье открывало веснушчатую грудь гораздо сильнее, чем позволяли приличия. Я сразу понял, что это шлюха, из тех, о которых мы шептались мальчиками и на которых укрادкой показывали друг другу, сидя в баре в Мистик-Фоллз.

— Хотите хорошо провести время, мальчики? — без интереса спросила она, переводя взгляд с меня на Дамона и обратно. Это была не Катерина, они даже не были похожи, но я увидел в глазах Дамона оживление.

— Думаю, найти жилье будет нетрудно, — прошептал я.

— Не убивай ее, — шепнул в ответ Дамон, почти не двигая губами.

— Пойдемте. Я знаю девушек, которые с удовольствием проведут с вами время. Вы похожи на мальчиков, которые ищут приключений. Ведь так? — Она подмигнула.

Надвигалась гроза, и я уже слышал далекие раскаты грома.

— Мы никогда не прочь развлечься с красивой женщиной.

Краем глаза я заметил, как Дамон сжал челюсти. Я знал, что он борется с жаждой. «Не надо бороться». Мы шли за ней по булыжной мостовой, и я очень надеялся, что Дамон нападет на нее.

— Мы пришли, — она открыла большим ключом чугунную дверь спрятавшегося в тупике многоквартирного дома, окрашенного в цвет барвинка. Дом был в хорошем состоянии, но строения на другой стороне улицы казались заброшенными. Краска на них облупилась, а садики заросли сорняками. Я услышал веселую мелодию, которую кто-то наигрывал на пианино.

— Это мой пансион, «У мисс Молли». Разумеется, мы окажем вам самый сердечный прием, если вы в настроении. — Она хлопала длинными ресницами. — Зайдете?

— Да, мэм. — Я втолкнул Дамона в дверь и захлопнул ее за нами.

7

На следующий вечер я сидел довольно уставившись на закат солнца над гаванью. Мисс Молли не преувеличивала: девушки в ее доме были очень гостеприимны. На завтрак у меня была девочка с длинными шелковистыми волосами пшеничного цвета и усталыми голубыми глазами. Я до сих пор чувствовал на губах вкус ее отдающей вином крови.

Мы с Дамоном провели день слоняясь по городу, рассматривая кованые балконы Французского квартала — и девушек, которые махали нам оттуда, — швейные мастерские с выставленными в витринах рулонами роскошного шелка и магазины дорогих сигар, где улаживают дела пузатые мужчины.

Из всего увиденного мне больше всего понравилась гавань, сердце города, где стояли корабли и шла погрузка и выгрузка экзотических товаров. Уничтожьте гавань — и вы уничтожите город, он станет таким же беспомощным, как девушка мисс Молли с утра.

Дамон тоже смотрел на суда, задумчиво потирая подбородок. Лазуритовое кольцо сверкало в закатном свете.

— Я почти спас ее.

— Кого? — Я резко развернулся к нему. В груди затеплилась надежда. — Ты подкараулил и съел кого-то?

Брат вперил взор в горизонт.

— Нет, конечно, нет. Я имею в виду Катерину.

Конечно. Я вздохнул. Из-за событий этой ночи Дамон еще сильнее разозлился. Пока я наслаждался компанией и сладкой кровью девушки, имя которой я никогда не узнаю, Дамон удалился в отдельную комнату и вел себя так, как будто действительно находился в обычном пансионе.

— Ты должен питаться, — сказал я в сотый раз за день, — сделай наконец выбор.

— Ты не понимаешь, Стефан? — ровно спросил Дамон. — Я не хочу делать выбор. Я

хочу вернуть то, что было раньше, — мир, который я понимал, а не которым повелевал.

— Почему? — Я не мог понять. Порыв ветра донес запахи железа, табака, талька и хлопка.

— Пора есть? — криво ухмыльнулся Дамон. — Ты пока причинил недостаточно зла?

— Кого волнует судьба шлюшки из грязного борделя? — Я нервно махнул в сторону моря. — Мир полон людей, один умирает, другие рождаются. Что изменится, если я отправлю одну грешную душу навстречу ее судьбе?

— Ты неосторожен, — пробормотал Дамон и облизал сухие, потрескавшиеся губы, — ты ешь, когда захочешь. Катерина никогда так не делала.

— Да. Но Катерина мертва, — это прозвучало гораздо жестче, чем я рассчитывал.

— Она бы возненавидела тебя теперь. — Дамон перемахнул ограду и встал рядом со мной.

Запах железа стал сильнее, он как будто сжимал меня в объятиях.

— Нет, она бы возненавидела тебя, — парировал я, — ты боишься самого себя, не следуешь своим желаниям, теряешь Силу.

Я думал, он будет спорить или даже ударит меня. Но он только кивнул. Между полуоткрытых губ виднелись кончики клыков.

— Я сам ненавижу себя. И не мог бы ждать от нее иного, — просто сказал он.

— Что с тобой? Ты всегда был такой живой, всегда был готов к приключениям. Это лучшее, что с нами случалось. Это — подарок; единственный, который Катерина сделала тебе.

По улице прошаркал старик, а секундой позже в другую сторону пронесся мальчик-посыльный.

— Выбери кого-нибудь и поешь. Сделай любой выбор. Все лучше, чем сидеть здесь и смотреть, как жизнь проходит мимо.

С этими словами я встал и отправился на запах железа и табака. Клыки зудели от предчувствия новой крови. Дамона я потащил с собой, и он шел, отстав на пару шагов, пока мы не оказались на идущей под уклон неосвещенной улочке. Единственным светлым пятном была девушка в белой форме сиделки. Она курила, прислонившись к кирпичной стене.

Едва она увидела Дамона, печаль на ее лице сменилась улыбкой. Конечно. Хоть он и стал вампиром, ни одна женщина не могла отвести глаз от копны темных волос, длинных ресниц и широких плеч.

— Закурите? — Она пускала дым кольцами, которые постепенно растворялись в тумане.

— Нет, — поспешно ответил Дамон, — приступай, братик.

Я проигнорировал его и сделал шаг вперед. На ее одежде виднелись пятна, и я не мог оторвать глаз от контраста темно-красного и снежно-белого. Сколько бы я ни видел крови, ее красота не переставала меня завораживать.

— Вечер выдался тяжелый? — Я прислонился к стене рядом с ней.

Дамон схватил меня за руку и потянул в сторону освещенного госпиталя:

— Пойдем.

У меня напряглось все тело.

— Нет! — Легкого движения руки хватило, чтобы впечатать его в стену.

Сиделка уронила сигарету. Пепел ярко вспыхнул и погас. Я почувствовал, как выдвигаются клыки. Самое время.

Дамон поднялся на ноги, пригибаясь, как будто я хотел ударить его снова.

— Не хочу на это смотреть. Если ты это сделаешь, я тебя никогда не прощу.

— Мне пора на смену, — пробормотала сиделка, отступая на шаг, словно готовясь бежать.

Я взял ее за руку и притянул к себе. Она коротко вскрикнула, но я зажал ей рот ладонью.

— Больше вам не придется об этом беспокоиться, — заверил я и вонзил клыки ей в

шею.

Кровь отдавала гниющими листьями и антисептиком, как будто больничные смерть и тление пропитали все ее тело. Я сплюнул теплую жидкость в канаву и швырнул девушку на землю. Ее лицо исказил страх.

Глупая девочка. Ей надо было почувствовать опасность и сразу же убежать. Это даже не похоже на охоту. Ничтожество. Она закричала, и я взял ее за горло и сжимал, пока не услышал приятный хруст сломавшихся позвонков. Голова повисла под неестественным углом. Кровь все еще капала из раны.

Больше она не издаст ни звука.

Я повернулся к Дамону, на лице которого был написан ужас.

— Вампиры убивают. Мы убиваем. — Я спокойно посмотрел в голубые глаза Дамона.

— Ты убиваешь. — Он снял с себя куртку и набросил ее на мертвое тело. — Не я. Только не я.

Злость билась во мне, затмевая все остальные чувства.

— Слабак! — выплюнул я.

— Возможно. Но лучше быть слабаком, чем чудовищем, — голос Дамона окреп, — я не собираюсь участвовать в этой вакханалии. И если наши пути когда-нибудь пересекутся, клянусь, я отомщу тебе за все эти убийства.

Он повернулся на каблуках и побежал, почти сразу исчезнув в тумане.

8

4 октября 1864 года

Когда я был человеком, то думал, что сильнее всего на нас с Дамоном повлияла смерть матери. Когда она умерла, первое время я именовал себя полусиротой, запирался в комнате и воображал, что моя жизнь уже закончилась — в десять лет. Отец считал, что горевать недостойно мужчины, поэтому утешал меня Дамон. Он катался со мной верхом, брал меня в игры взрослых мальчиков и побил братьев Гиффин за то, что они смеялись надо мной, когда я заплакал по время игры, в бейсбол. Дамон всегда был сильным. Моим защитником. Но я оказался неправ. Сильнее всего на меня повлияла моя собственная смерть.

Роли поменялись. Теперь я сильный. Я пытался защищать Дамона. Но если я всегда был ему благодарен, то он презирал меня и обвинял в том, что стал вампиром. Я доставил его выпить Элис, барменшу в Мистик-Фоллз, и ее кровь завершила трансформацию. Но разве это делает меня преступником? Думаю, нет, особенно если учесть, что таким образом я спас ему жизнь.

Дамон казался мне таким же, каким казался отцу: слишком высокомерным, слишком своенравным, слишком резким, чтобы принимать решения, и слишком упорным, чтобы менять их. Сегодня, стоя рядом с мертвой сиделкой за пределами тусклого круга света, отбрасываемого газовым фонарем, я понял: я один. Я круглый сирота. Именно так представилась Катерина, приехав в Мистик-Фоллз и остановившись в нашем гостевом домике.

Так поступают вампиры. Разыгрывают беззащитность, втираются в доверие, а потом, вызвав нужные чувства, нападают.

Так буду делать и я. Я не знаю, как, я не знаю, кто станет моей следующей жертвой, но теперь я точно знаю, что должен защищать только себя. Дамон сам по себе, я сам по себе.

Я слышал, как Дамон с нечеловеческой скоростью скользит по городу. Вот он остановился, шепча имя Катерины, как мантру или молитву. И дальше тишина...

Он умер? Утопился? Или просто ушел так далеко, что я его больше не слышал?

Впрочем, результат в любом случае одинаков. Я один. Я потерял всякую связь с человеком, которым был когда-то: Стефаном Сальваторе, верным сыном, любителем поэзии, всегда стоявшим за правду.

Интересно, означает ли это, что Стефан Сальваторе, о котором никто не вспоминает, теперь по-настоящему мертв? А я могу быть... кем угодно.

Я могу каждый год переезжать из города в город могу посмотреть весь мир. Я могу примерить любое количество личностей. Я могу стать солдатом Союза. Я могу стать итальянским бизнесменом.

Я даже могу стать Дамоном.

Солнце рухнуло за горизонт, как пушечное ядро, погрузив город во тьму. Я свернул с одной освещенной газовыми фонарями улицы на другую, громко топая по булыжной мостовой. Ветер пронес выброшенную газету. Я наступил на лист, заметив гравюру с фотографии девушки с длинными темными волосами и светлыми глазами. Она показалась мне смутно знакомой. Наверное, родственница какой-нибудь девушки из Мистик-Фоллз. Или одна из безымянных кузин, бывавших в Веритас на пикниках.

А потом я увидел заголовок: «ЖЕСТОКОЕ УБИЙСТВО В АТЛАНТИЧЕСКОМ ЭКСПРЕССЕ».

Лавиния. Конечно.

Я уже забыл ее. Наклонившись, я скомкал газету и зашвырнул комок как можно дальше в Миссисипи. Мутную, бурлящую воду пятнал лунный свет. Я не видел своего отражения — только черную бездну, глубокую и темную, как будущее. Я должен провести вечность, питаясь, убивая, забывая и повторяя этот цикл снова и снова?

Да. Каждая клетка моего тела вопила: да. Восторг приближения к жертве, прикосновения клыков к пергаментно-тонкой коже на горле, постепенного замедления пульса, обвисания тела в руках... Охота и кровь позволяли мне чувствовать себя живым, цельным, они давали мне смысл существования. Таков, в конце концов, естественный порядок вещей. Сильные животные убивают слабых. Люди убивают сильных животных. Я убиваю людей. У каждого вида есть свой враг. Я вздрогнул при мысли о чудовище, у которого хватит сил убить меня.

Доносившийся с моря соленый бриз нес запахи гнили и немых тел, сильно контрастировавшие с запахом города, — широкие улицы заполнял тяжелый аромат цветочных духов и пудры. Здесь в каждом углу прятались тени, слышался шепот и пьяная икота. Здесь было темно. Опасно. Мне это нравилось.

Я завернул за угол, следуя за запахом — как ищейка, идущая по следу. Согнул руки, готовясь к охоте — на пропитанного джином пьяницу, солдата, женщину, вышедшую на улицу после заката солнца. Мне годилась любая жертва.

Я еще раз повернул, и металлический запах крови стал сильнее. Он был сладким и дымным. Я сосредоточился на нем, предвкушая, как проткну клыками артерию, прикидывая, чью кровь мне предстоит пить, чью жизнь я оборву.

Ускоряя шаг, я шел на запах, который привел меня на безымянную улицу, где обнаружились аптека, универсальный магазин и швейная мастерская. Точно так же выглядела Мэйн-стрит в Мистик-Фоллз. Но в моем родном городке такая улица была всего одна, а в Новом Орлеане наверняка существовали десятки, если не сотни, торговых закутков.

Запах железа стал сильнее. Я пробирался по закоулкам, и голод рвал меня, сжигал, высушивал кожу. Наконец я уткнулся в невысокое персиковое здание и остановился, увидев вывеску над дверью. В грязных витринах виднелись связки колбас; куски солонины свисали с потолка как чудовищные детские игрушки; во льду под прилавком лежали ребрышки, а у задней стены висели целые туши, и кровь стекала из них в большие чаны.

Это оказалась... лавка мясника?

Я тяжело вздохнул, но голод заставил меня все равно открыть дверь. Металлическая цепь треснула, как будто была не прочнее нитки. Оказавшись внутри, я уставился на кровоточащие туши. Капли крови, тяжело шлепавшиеся в чаны, заморозили меня.

Но за падением капель я расслышал тихий свист, не громче мышиного писка. А потом — тихий звук шагов по бетону. Я отступил, переводя взгляд из одного угла в другой. Под половицами шуршали мыши, в соседнем доме тикали чьи-то часы. Других звуков не было.

Но воздух как будто стал гуще, а потолок — ниже. Я остро почувствовал, что из этой комнаты смерти не было другого выхода.

— Кто здесь? — спросил я в темноту, оглядываясь и обнажив клыки. В темноте задвигались. Клыки, глаза, звук шагов двинулись на меня из всех углов.

Низкие гортанные звуки отражались от окровавленных стен лавки, и я с болезненной ясностью осознал, что окружен вампирами, готовыми атаковать.

9

Я припал к полу, обнажив клыки. Пьянящий запах крови проникал в каждую щель и вызывал головокружение. На кого напасть вначале?

Вампиры снова взревели, я тоже коротко рыкнул. Круг сжимался. Их было трое, и я чувствовал себя то ли рыбой, попавшей в сеть, то ли оленем, окруженным волками.

— Что же ты делаешь, по-твоему? — спросил один из них. Ему было лет двадцать пять; шрам тянулся от его левого глаза к уголку рта.

— Я один из вас, — сообщил я, выпрямляясь во весь рост и демонстрируя клыки.

— Он один из нас, — повторил нараспев вампир постарше. На нем были очки и твидовый жилет поверх рубашки с белым воротничком. Если бы не клыки и красный ободок вокруг зрачка, он походил бы на бухгалтера или одного из приятелей отца.

Я пытался сохранить невозмутимость:

— Нам незачем ссориться, братья.

— Мы тебе не братья, — вступил третий вампир, темноволосый, не старше пятнадцати лет на вид. Лицо у него было невинное, а вот зеленые глаза — жесткие.

Старший вампир ткнул меня в грудь костлявым, жестким, как сучок, пальцем.

— Так-так, брат. Отличный вечер для ужина... или для убийства. Как думаешь?

Молоденький вампир опустил на колени рядом со мной, заглядывая мне в глаза:

— Похоже, сегодня его ждет и то и другое. Счастливчик. — Он взъерошил мне волосы. Я попытался ударить его, но только впустую лягнул воздух.

— Нет-нет-нет. — Вампир со шрамом молча наблюдал, а мальчишка молниеносно завернул мне руки за спину — так резко, что я зашипел.

— Что за непочтительность? Мы старше тебя. А ты уже натворил достаточно... грубостей, если судить по дому мисс Молли, — он произнес ее имя так протяжно, как будто был мягким, хорошо воспитанным джентльменом с Юга. Только стальная хватка на моих запястьях выдавала, что джентльменом он не был.

— Я ничего не сделал. — Я снова попытался его ударить. Если мне суждено умереть, я умру в бою.

— Уверен? — Он смотрел на меня с омерзением. Я хотел обернуться, но не смог даже пошевелиться.

Старший вампир тихо засмеялся:

— Он не контролирует себя, слишком импульсивен. Дадим ему испытать это на себе.

Широким движением он с непредставимой силой толкнул меня, и я с треском впечатался в стену, а потом упал на бок, стукнувшись головой об пол.

Я съезжился, понимая, что если и есть способ выжить, то это не сила.

— Я не хотел ничего подобного. Мне жаль, — голос у меня дрожал.

— Не хотел? — Молоденький вампир сверкнул глазами; вслед за этим я услышал треск ломающегося дерева и вздрогнул. Станет ли один вампир убивать другого? Мне бы не хотелось выяснить ответ на собственной шкуре.

— Нет. Нет! Я не собирался сюда приходить. Я не знал, что тут кто-то есть. Я только что прибыл в Новый Орлеан, — пробормотал я скороговоркой.

— Тихо! — Он приближался ко мне, держа в руке заостренный кол. Я вжался в покореженную стену. Значит, все закончится вот так. Я умру насаженный на импровизированный кол, и кем? Другим вампиром.

Чьи-то руки сдавили мне плечи, другие с невероятной силой свели вместе мои ноги — их как будто придавило камнем. Я закрыл глаза. Перед внутренним взором всплыл образ отца, лежащего ничком на твердом полу. Я потряс головой, вспоминая его искаженное ужасом, покрытое потом лицо. Конечно, я пытался спасти его, но он этого не знал. Он увидел ангела, или демона, или просто призрака, вынужденного скитаться по миру, и это привело его в ужас.

Я плотнее сжал веки, пытаясь вызвать какое-нибудь другое воспоминание, которое вернуло бы меня в другое время и другое место. Но я мог думать только о своих жертвах, о том, как мои клыки вонзались в кожу, как затихали жалобные стоны, как кровь капала на подбородок. Скоро вся кровь, которую я отнял у них, вытечет уже из моего тела и впитается в землю. Я обречен на смерть, на этот раз — на окончательную. Прямо здесь, на этом деревянном полу.

— Хватит! — Женский голос прервал мои беспорядочные мысли.

Вампиры немедленно отпустили меня. Я открыл глаза и увидел женщину, проскользнувшую через узкую деревянную дверь. На ее спину падала длинная светлая коса. На женщине были мужские черные брюки и подтяжки. Высокая, хрупкая, как ребенок, — но все остальные вампиры в ужасе шарахнулись от нее.

— Кто ты? — Она опустилась на колени рядом со мной и уставилась на меня янтарными глазами. Глаза были ясными и любопытными, но что-то в них — может быть, чернота зрачков — казалось древним и мудрым, совсем не сочетаясь с гладким, румяным личиком без морщин.

— Стефан Сальваторе.

— Стефан Сальваторе, — повторила она с безупречным итальянским выговором. Голос, хоть и дразнящий, не был злым. Она нежно обвела пальцем мой подбородок, а потом прижала меня к стене ладонью. Скорость движения поразила меня. Я сидел беспомощный, пригвожденный к стене, а она поднесла другую руку ко рту и прокусила вену. Потом дернула рукой так, что потекла кровь.

— Пей — велела она, поднося запястье к моим губам.

Я послушался. Несколько капель крови успели попасть мне в рот, пока она не отняла руку.

— Этого хватит, чтобы залечить любые раны.

— Они с братом опустошили чуть не весь город. — Кол старшего вампира все еще был направлен в меня, как винтовка.

— Нет, — быстро вставил я, — мой брат в этом не участвовал.

Дамон никогда бы не выжил в драке с этими демонами.

Не сейчас, когда он так слаб.

Вампирша наклонилась еще ближе ко мне и сморщила нос:

— Ты что, всего неделя, как стал вампиром? — Она откинулась назад.

— Почти две. — Я гордо вздернул подбородок.

Она кивнула с намеком на улыбку и встала, осматривая лавку. Оштукатуренные стены были покрыты выбоинами, пол и стены пятнала кровь, как будто ребенок стоял в центре комнаты и размахивал мокрой кисточкой. Она фыркнула, и все трое вампиров одновременно сделали шаг назад. Я вздрогнул.

— Перси, дай сюда нож, — распорядилась она.

Младший вампир поколебался, прежде чем вытащить из-за спины длинный острый нож.

— Он нарушил правила, — дерзко сказал он, напомнив мне оставшихся дома братьев Гиффин. Эти двое задир всегда готовы были побить кого-нибудь на школьном дворе, а потом заверить учителя, что не имеют к этому никакого отношения.

Вампирша взяла нож и внимательно изучила его, проведя подушечкой пальца по тускло блестящему клинку. Потом протянула нож обратно. Молодой вампир помедлил, но все-таки двинулся к ней. И тут клыки девушки удлиннились, а глаза вспыхнули красным.

Зарывав, она ударила Перси ножом в грудь. Он упал, сложившись вдвое.

— Вы охотились на него из-за шума в городе, — выплюнула она, загоняя нож глубже, — и хотели убить его в общественном месте, здесь? Вы еще глупее, чем он.

Молодой вампир поднялся на ноги. По груди у него стекала струйка крови, как будто он пролил на себя кофе. Скривившись, он с громким хлопанием выдернул нож.

— Прошу прощения, — выдавил он.

— Благодарю. — Она поднесла запястье ко рту Перси. Несмотря на внешнюю молодость и очевидную жестокость, было в ней что-то материнское, и другие вампиры это принимали — как будто ее удары были для них тем же, чем для умного ребенка легкий подзатыльник.

Она повернулась ко мне:

— Прошу прощения за неудобства, Стефан. Могу ли я чем-либо тебе помочь?

Я затравленно озирался. Дальше побега из этой комнаты я не загадывал:

— Я...

— ...не знаю, куда идти, — со вздохом закончила она мою мысль и кинула взгляд на остальных вампиров, которые столпились в углу, сблизив головы.

— Я просто пойду. — Я поднялся. Нога была в порядке, а вот руки тряслись, а дыхание еще не выровнялось.

— Глупости. Ты пойдешь с нами, — с этими словами она направилась к двери. Махнула рукой в сторону молодого вампира и вампира в очках.

— Перси и Хьюго, вы останетесь и все здесь уберете.

Мне приходилось практически бежать, чтобы успевать за ней и высоким вампиром со шрамом, который наблюдал за пыткой.

— Нужно, чтобы кто-нибудь тебе все объяснил, — она говорила почти без пауз. — Это Бакстон, — добавила она, взяв под руку вампира со шрамом.

Мы пересекли несколько улиц и оказались у церкви с высоким шпилем.

— Пришли. — Она резко свернула в сторону кованых ворот. Ее каблуки громко стучали по плитам ведущей к задней двери дорожки. Из открытой двери ударила волна гнилостного запаха. Бакстон стремительно прошел через холл и поднялся наверх, оставив меня и вампиршу в темноте.

— Добро пожаловать домой. — Она плавно повела рукой. — Наверху много комнат, найди себе подходящую.

— Спасибо. — Глаза привыкли к темноте, и я осмотрел помещение. Черные бархатные занавеси с золотыми шнурами закрывали окна. Пыль клубилась в воздухе и покрывала золоченые рамы картин. Мебель была потертая, изношенная. Я разглядел две лестницы, устланные чем-то вроде восточных ковров, и рояль в соседней комнате. Когда-то это был великолепный дом, но сейчас грязные обшарпанные стены потрескались, а с хрустальной с золотом люстры свисали клочья паутины.

— Всегда входи через заднюю дверь. Не поднимай занавески. Никого сюда не приводи. Понял, Стефан? — строго спросила она.

— Да. — Я провел пальцем по мраморной каминной доске, оставляя след на слое пыли в дюйм толщиной.

— Думаю, тебе здесь понравится.

Я кивнул в знак согласия. Паника отступила, и руки больше не тряслись.

Я Лекси. — Она протянула мне руку для поцелуя. — Мне кажется, мы с тобой станем друзьями.

Я проснулся, когда город накрыли сумерки. Из моего окна было видно, как золотисто-оранжевое солнце садится где-то за белым шпилем. В доме царила тишина, и какое-то время я не мог вспомнить, где я нахожусь. Потом вспомнил: мясная лавка, вампиры,

стена, к которой меня прижали. Лекси.

Как будто по этому сигналу, она скользнула в комнату, совершенно бесшумно открыв дверь. На ней было простое черное платье, светлые волосы рассыпались по плечам. При первом взгляде ее можно было принять за ребенка. Но тонкие морщинки вокруг глаз и полные губы выдавали взрослую женщину — лет девятнадцати или двадцати. А вот сколько зим она видела после этого, я знать не мог. Она присела на край кровати и пригладила мне волосы.

— Добрый вечер, Стефан. — В глазах промелькнул озорной огонек. Она вертела в руках бокал темной жидкости. — Ты спал.

Я кивнул. Пока я не рухнул в постель на четвертом этаже дома, я не осознавал, что на прошлой неделе почти не спал. Даже в поезде я постоянно дергался из-за вздохов и храпа соседей, а больше всего — из-за постоянного гула крови в их венах. Но здесь не стучали, мешая мне заснуть, ничьи сердца.

— Это тебе. — Она протянула мне бокал. Я оттолкнул его. Несвежая, кислая кровь.

— Ты должен есть. — Это было так похоже на то, что я говорил Дамону, и я почувствовал раздражение — и грусть. Я взял бокал и сделал маленький глоток, борясь с желанием немедленно выплюнуть кровь. Как я и ожидал, по вкусу она походила на стоячую воду, а от запаха меня чуть не стошнило.

Лекси улыбнулась себе под нос.

— Это козья кровь, она полезна. Если ты будешь питаться как раньше, ты заболеешь. Диета из человеческой крови не слишком хороша для желудка. И для души.

— У нас нет души, — парировал я, но снова поднес бокал к губам. Лекси вздохнула и взяла его у меня из рук, пристроив на ночной столик.

— Столькому надо научиться, — прошептала она очень тихо.

— Ну, чего-чего, а времени у нас достаточно.

Она рассмеялась. Смех оказался удивительно громким и хриплым для ее хрупкого тела.

— Ты быстро все схватываешь. Давай, вставай. Пора показать тебе город. — Она подала мне белую сорочку и брюки.

Одевшись, я спустился за ней по скрипучей деревянной лестнице в балый зал, где мы нашли остальных вампиров. Они приоделись, но выглядели старомодно — как будто сошли с одного из многочисленных портретов на стене. Хьюго сидел за роялем, фальшиво наигрывая Моцарта. На нем была голубая бархатная накидка. Бакстон, огромный и неуклюжий, облачился в свободную белую рубашку с рюшами, а Перси предпочел выцветшие бриджи на подтяжках и выглядел школьником, собравшимся сыграть с товарищами в мяч.

Заметив меня, они застыли. Хьюго изобразил слабый кивок, но остальные просто тарасились на меня в полном молчании.

— Идем! — скомандовала Лекси и возглавила нашу маленькую группу. Мы вышли из дома, прошли по мощеной дорожке, миновали путаницу переулков и, наконец, оказались на Бурбон-стрит. В каждом доме тускло светились окна баров, в ночной воздух вываливались пьяные. Вызывающе одетые женщины сбивались в кучки под навесами, а до изумления пьяные мужчины готовы были в мгновение ока перейти от смеха к драке. Я сразу понял, почему Лекси привела нас сюда. Несмотря на наш странный вид, мы привлекали ничуть не больше внимания, чем любой другой из здешних завсегдатаев.

Все остальные вампиры шли так, что я всегда оказывался в центре круга. Я знал, что за мной пристально наблюдают, и старался игнорировать запах крови и ритм чужого пульса.

— Сюда! — объявила Лекси, не поинтересовавшись мнением остальных, и открыла дверь салуна, над которой причудливыми буквами было написано «ДАМОЧКИ». Меня поразила ее смелость — в Мистик-Фоллз только женщина самой дурной репутации зашла бы в бар. Но я уже понимал, что Новый Орлеан — это совсем не Мистик-Фоллз.

Пол «Дамочек» был посыпан опилками, и я вздрогнул из-за крепчайшего запаха пота, виски и одеколона. За столами теснились мужчины, они играли в карты, кости или просто

беседовали. В одном конце зала собрались исключительно солдаты Союза, в другом нашел приют пестрый оркестрик, исполнявший на аккордеоне, двух скрипках и флейте веселенькую вариацию «Боевого гимна Республики».

— Как тебе? — поинтересовалась Лекси.

— Это бар для солдат Союза? — спросил я в ответ.

Армия Севера захватила город несколько месяцев назад, и солдаты стояли почти на каждом углу, охраняя порядок и напоминая конфедератам, что дело, за которое они сражаются, обречено.

— Да. Понимаешь, что это значит?

Я оглядел зал. Кроме солдат, здесь были только одиночки. Они тонули в своем одиночестве, почти не замечая, что не одни. Два бармена механически наполняли стаканы, не запоминая своих клиентов.

Я сразу понял:

— Здесь все — чужие. Все пришли на один раз.

— Точно. — Она улыбнулась, довольная моей догадливостью.

Бакстон прочистил горло в знак протеста. Я ему не нравился — настолько, что он ждал только моей ошибки, чтобы убить меня, не вызвав гнева Лекси.

— Хьюго, найди нам стол! — распорядилась она.

Хьюго вразвалку подошел к грубо обтесанному столу рядом с оркестром. Прежде чем он успел сказать хоть слово, солдаты в голубых мундирах переглянулись и встали, оставив на столе наполовину наполненные кружки.

Лекси выдвинула два стула.

— Стефан, садись рядом!

Я сел, смутно поражаясь своей покорности, — я вел себя как ребенок. Но я напомнил себе, что ее слушался даже Хьюго. Она обладала Силой и умела ее использовать. Перси, Хьюго и Бакстон тоже расположились за столом.

— Итак, — Лекси подхватила одну из брошенных кружек и взмахнула ею в воздухе, как официантка, которая как раз приближалась к нам, — пора научить тебя вести себя в обществе.

Я вспыхнул и сообщил сквозь сжатые зубы:

— Я умею. Хотя здесь столько людей, что сконцентрироваться почти невозможно.

Перси и Хьюго хихикнули. Бакстон сердито сказал:

— Он не готов...

— Не готов, — Лекси говорила тихо и угрожающе. Бакстон сжал челюсти, пытаясь справиться с собой. Я вжался в спинку стула. Мне показалось, что мне снова десять лет, а Дамон защищает меня от братьев Гиффин. Только теперь на моей стороне была девчонка. Я собирался сказать, что могу и сам за себя ответить, но она положила руку мне на колено. Нежное прикосновение успокоило меня.

— Привыкнешь, — заверила она, глядя мне в глаза, а потом обратилась уже ко всем: — Итак, первый урок.

Это было очень мило с ее стороны, если учесть, что я единственный не знал тонкостей вампирского бытия.

— Первый урок — как подчинять людей, не привлекая к себе внимания. — Она откинулась на стуле и обозрела оркестр. — Мне не нравится эта песня. Стефан, что бы ты хотел услышать?

— Мммм... — Я уставился в стол. Перси снова хихикнул, но осекся под взглядом Лекси.

— «Боже, храни южан»? — предположил я. Эта песня пришла мне в голову, потому что именно ее насвистывал Дамон, возвращаясь из армии.

Лекси резко отодвинула стул, так что его ножки взрыли опилки, и прошла вдоль оркестра, поглядев в глаза каждому из музыкантов и сказав что-то, чего я не услышал.

Оркестр оборвал аккорд на середине и немедленно заиграл «Боже, храни южан».

— Эй! — крикнул один из солдат. Его товарищи уставились друг на друга, не понимая, почему оркестр в баре для солдат Союза вдруг заиграл любимую песню южан. Лекси усмехнулась, довольная своей выходкой:

— Впечатляет?

— Очень, — искренне сказал я. Даже Перси и Хьюго согласно кивнули.

Лекси глотнула пива:

— Твоя очередь. Выбери кого-нибудь.

Я оглядел бар, задержав взгляд на темноволосой барменше. Волосы были стянуты в низкий узел на затылке, а глаза оказались очень темно-карие. Губы у нее были приоткрыты, а в ямке между ключицами я заметил кулон с камеей. На какое-то мгновение она напомнила мне Катерину. Потом я вспомнил мисс Молли и то, как тоже принял ее за Катерину. Очевидно, моя создательница будет преследовать меня в Новом Орлеане.

— Она. — Я кивнул в ее сторону.

Лекси испытующе посмотрела на меня, как будто была осведомлена о причинах моего решения. Но спрашивать не стала, а вместо этого велела:

— Очисти разум. Впусти в нее свою энергию.

Я кивнул, припоминая тот момент в поезде, когда мои мысли соприкоснулись с мыслями Лавинии. Сконцентрировался на девушке. Она смеялась, запрокинув голову, но, стоило мне уставиться на нее, опустила глаза, глядя в мою сторону. Как будто я ей это приказал.

— Хорошо, — прошептала Лекси, — теперь мысленно скажи ей, чего ты от нее хочешь.

Именно этого мне и не хватало. Когда я пытался зачаровать кондуктора, у меня были сотни возможных сценариев нашего общения, но ни на одном из них я не настаивал. «Иди сюда, — пожелал я, смотря в глаза цвета жидкого шоколада, — иди ко мне». Еще мгновение она оставалась за стойкой, а потом сделала нерешительный шаг вперед. «Иди». Она сделала еще шаг, уже увереннее, и направилась ко мне. Я думал, что она будет выглядеть... оглушенной, как будто она лунатик. Но было не похоже, что она в трансе. Любой сторонний наблюдатель счел бы, что она просто идет к нашему столику принять заказ.

— Привет, — сказал я, когда она подошла к нам.

— Не разрывай зрительный контакт, — прошептала Лекси, — скажи, чего ты хочешь теперь.

«Сядь», — подумал я. И почти сразу же она втиснулась между мной и Бакстоном, прижавшись ко мне теплым бедром.

— Привет, — невозмутимо сказала она, — это очень странно, но я внезапно почувствовала, что должна сесть тут, с вами.

— Меня зовут Стефан. — Я пожал ей руку. Клыки удлинились, а желудок мучительно сжался. Я хотел ее. Черт.

— Не поставь нас в неудобное положение, — с этими словами Лекси отвернулась от меня к оркестру. Стало ясно, что она вмешается в мои действия, только если они перестанут ее устраивать.

«Предложи мне выйти на улицу», — подумал я, положив ладонь на бедро девушки. Но, произнося мысленно эти слова, я смотрел на Лекси, разорвав контакт с барменшей, и та отодвинулась, поправила волосы и стала смотреть на оркестр, потирая пальцем ободок стакана.

«Предложи мне выйти на улицу», — повторил я, сконцентрировав на ней внимание. По виску потек пот. Я разорвал связь насовсем?

Однако она слегка кивнула:

— Тут очень шумно, а я хочу с тобой поговорить. Не хочешь прогуляться?

Я встал. Стул царапнул по полу.

— С удовольствием. — Я предложил ей руку.

— Она должна вернуться живой, мальчик, или ты будешь отвечать передо мной, —

шепот звучал так тихо, что я не был уверен, не послышался ли он мне. Но когда я обернулся, Лекси только улыбнулась и помахала рукой.

11

Выйдя на улицу, я позволил девушке увлечь себя в сторону от пьяной толпы к боковой улочке за баром «У Кэлхуна».

— Извините, — тихо сказала она. — Не знаю, что на меня нашло. Обычно я не такая нахальная, это...

— Я очень тебе благодарен, — прервал ее я. Она задрожала, когда я положил руки на худые плечи, и сразу же вырвалась.

— Ты очень холодный! — обвиняющим тоном сказала она.

— Правда? — поинтересовался я, притворяясь невозмутимым, и подумал: «Ты хочешь меня поцеловать».

Она пожала плечами:

— Да нет. Просто я чувствительна к температуре. Но я знаю способ согреть нас обоих.

Она робко улыбнулась и поднялась на цыпочки. Ее губы надавили на мои, и мгновение я позволял себе наслаждаться теплом, которое она мне дарила, и током ее крови по венам.

Потом я впился ей в шею.

— Эй! — запротивилась она, пытаясь отстраниться. — Хватит!

«Ты уступишь, потому что тогда я оставлю тебя в живых», — подумал я, направив всю волю на ее подчинение. Она взглянула на меня со смутением в глазах, а потом повисла у меня в объятиях, и на лице появилось выражение тихой радости.

Я сделал несколько глотков крови, все время помня о Лекси и остальных, и поднял девушку на ноги. Я был осторожен. Ранки на шее были крохотными, человек бы их даже не заметил. Но я все-таки поправил ее шарф, чтобы он закрывал ранки.

Она открыла затуманенные глаза:

— Что... где я?

Я почувствовал, что ее сердце забилось быстрее. Она готова была закричать.

— Вы помогли пьяному клиенту, — сообщил я. — Я вас не держу, просто хотел убедиться, что с вами в порядке.

Она выпрямилась и расслабилась

— Извините, сэр. Обычно в «Дамочках» не шумят так. Спасибо за помощь. Виски за счет заведения? — Она подмигнула.

Я зашел вместе с ней в бар и был вознагражден улыбкой Лекси из-за углового столика.

«Хорошая работа, мой мальчик».

Я сопровождал девушку, пока она не заняла свое место за полированной барной стойкой.

— Что пьете? — поинтересовалась она, берясь за бутылку виски. Она побледнела, как будто была немного простужена. Кстати, кровь, плескавшаяся в желудке, оказалась очень теплой.

— Я уже выпил достаточно. Спасибо, мисс. — Я взял ее руку в свою и поцеловал так же нежно, как раньше укусил ее за шею.

12

На следующий вечер Лекси постучалась в дверь моей спальни. На ней был черный жакет и такие же брюки. Шляпа почти скрывала волосы, оставляя на виду только несколько светлых локонов, обрамлявших лицо.

— Я горжусь тем, как ты держался вчера ночью.

Против воли я улыбнулся. Поразительно, как быстро мне стало необходимо одобрение Лекси.

— Сколько крови ты выпил у барменши?

— Не слишком много. Но мне хотелось больше, — признался я.

Ее лицо приняло непонятное выражение:

— Я была такой же. Чем больше ты пьешь человеческую кровь, тем больше хочется. Это проклятие. Но есть и другие способы. Ты пробовал охотиться на животных?

Я отрицательно покачал головой.

— Тебе повезло, я как раз собираюсь на охоту. И ты идешь со мной. Оденься в темное, жду тебя внизу через пять минут.

Я набросил темную куртку военного покроя, которую обнаружил в шкафу, и сбежал вниз, не собираясь откладывать охоту вместе с Лекси даже на пять минут. Высказывания Бакстона о моей неопытности бесили меня, а вот когда я слышал то же самое от Лекси, мне только хотелось как можно скорее получить очередной урок выживания.

Мы вышли на улицу. Солнце уже зашло, и ни один лучик не нарушал чернильную темноту неба. Я втянул воздух, ища запах ближайшего человека, но, заметив понимающий взгляд Лекси, остановился.

Вместо того чтобы свернуть налево, к суете Бурбон-стрит, она пошла направо. По маленьким улочкам мы добрались до леса. Голые, призрачного вида деревья темнели на фоне ночного неба, освещенные только луной.

— Здесь водятся олени. А еще белки, медведи и кролики. Думаю, здесь неподалеку лисья нора. — Она направилась к густым, топким зарослям. — У их крови более землистый запах, чем у человеческой, а их сердца бьются намного быстрее.

Я последовал за ней. Мы быстро и тихо пробирались между деревьями и кустами, не тревожа подлесок. Казалось, что мы играем в прятки. Или в охотников, как играли в детстве. Но когда я был человеком, я всегда брал на охоту оружие, а теперь мог рассчитывать только на свои клыки.

Лекси подняла руку. Я застыл, оглядываясь. Я ничего не видел, кроме толстых стволов и муравьев, курсирующих по шероховатым пням. Неожиданно Лекси прыгнула вперед. Когда она поднялась, с клыков капала кровь, а по лицу блуждала довольная улыбка. Зверек лежал на опавших листьях, согнув ноги так, как будто все еще бежал. Она махнула рукой в сторону кучи красно-оранжевого меха.

— Лисы совсем неплохи на вкус. Хочешь попробовать?

Я встал на колени и поморщился, прикоснувшись губами к жесткому меху. Я все-таки заставил себя сделать осторожный глоток, потому что именно этого хотела Лекси. Кровь обожгла мне язык, и я с отвращением выплюнул ее.

— К этому вкусу привыкаешь. — Лекси опустила на колени рядом со мной. — Впрочем, мне больше достанется.

Пока Лекси ела, я прислонился к дереву и прислушивался к шорохам леса. Подул ветерок, и металлический запах крови заполнил воздух. Запах был сладким и пряным, и убитая Лекси лиса не имела к нему никакого отношения.

Где-то совсем недалеко билось человеческое сердце. Билось со скоростью около семидесяти двух ударов в минуту.

Я осторожно проскользнул мимо Лекси и отправился исследовать лес. На берегу озера обнаружился палаточный городок. Палатки были, как попало, натканы тут и там, между деревянными столбами тянулись веревки для сушки белья. Все это выглядело так, будто здешние обитатели готовы в любую секунду со всем скарбом сняться с места.

Лагерь казался пустым, лишь в озере купалась женщина. В лунном свете кожа цвета слоновой кости светилась особенно ярко. Она что-то напевала себе под нос, смывая с рук и лица засохшую грязь.

Я спрятался за большим дубом, надеясь застать женщину врасплох. Но потом мое внимание привлек яркий плакат, висевший на соседнем дереве. Я шагнул к нему. Под ногой треснула ветка, женщина обернулась, а я почувствовал за спиной Лекси.

— Стефан, — прошептала Лекси, которая, конечно же, догадалась о моих намерениях.

Но в этот раз была моя очередь затыкать ей рот. Портрет, напечатанный на афише, тонул в тумане, но надпись была хорошо видна: «ЦИРК УРОДОВ ПАТРИКА ГАЛЛАХЕРА: ВАМПИР ПРОТИВ ЗВЕРЯ. СМЕРТЕЛЬНАЯ БИТВА! 8 ОКТЯБРЯ».

Я моргнул и сумел разглядеть портрет на афише. Он изображал темноволосого мужчину с чеканными чертами лица и бледно-голубыми глазами. Из-под приподнятой губы торчали длинные клыки. Рядом с ним скалилась пума. Я знал лицо на афише лучше своего собственного.

Это был Дамон.

13

Дамон. Смерть.

Эти слова бились у меня в мозгу, пока я пытался осознать увиденное. Дамон жив. Но надолго ли? Если его схватили, он явно очень слаб. Как он сможет выжить в битве с голодной тварью?

Нахлынул гнев — и привычная боль от удлиняющихся клыков. Я сорвал афишу с дерева.

— Что такое? — прошипела Лекси, показав клыки. Я сжал афишу:

— Это мой брат. — Я смотрел на портрет непонимающим взглядом. Глаз дергался. — Битва через два дня.

Лекси кивнула, изучая портрет:

— Галлахер его нашел, — сказала она совсем тихо.

Я потряс головой, не понимая, что она имеет в виду. Она вздохнула:

— Он серьезный человек. Ему принадлежит множество заведений в городе, включая дешевый цирк и шоу уродов. Он вечно ищет всякие диковинки, а люди всегда находят деньги посмотреть на них. Твой брат...

— Дамон, — перебил я, — его зовут Дамон.

— Дамон, — мягко сказала Лекси, проводя пальцами по нарисованному лицу.

— Он этого не заслужил. Я должен помочь ему. Но... — Я осекся. Но что? Как я мог спасти его?

— Нужно его найти, — решила Лекси и отряхнула брюки от листьев и грязи, — ты мне доверяешь?

Был ли у меня выбор? Забыв про голод, я шел за ней по лесу обратно к широким тихим улицам.

— Галлахер живет где-то в Гарден-дистрикт, там же, где все нувориши. Думаю, нам нужна Лорел-стрит, — сообщила Лекси, когда мы добрались до центра города. — Такое уже случилось вскоре после прибытия Галлахера в Новый Орлеан пять лет назад.

— Что случилось? — Я следовал за ней неотступно.

— Он нашел вампира. Он хорошо умеет это делать. Но тот вампир не был членом моей семьи. А... — Она резко остановилась.

— Что с ним произошло?

Но Лекси только дернула головой. Мы пришли в район Гарден-дистрикт, где на широких улицах стояли выкрашенные в теплый желтый цвет дома в викторианском стиле, окруженные большими роскошными лужайками.

— Тут, — она остановилась перед фисташково-зеленым особняком, прячущимся за кованой оградой. По воротам вились магнолии и каллы, в воздухе пахло мятой. Сразу за забором я заметил огромный палисадник с травами, занимавший не меньше пятой части всей территории. Когда мы подошли ближе, я отшатнулся — в огороде росла вербена. Лекси наморщила нос:

— Он знает все эти приемчики.

Толкнув ворота, мы прошли так осторожно, что почти не потревожили гравий на оббивавшей дом дорожке. В кронах сикомор звенели цикады, и я слышал, как переступали

лошади в денниках.

А потом я услышал тихий стон и быстро сказал:

— Он здесь.

Лекси посмотрела в небо. Над горизонтом уже появлялись оранжевые полосы. До рассвета оставалось около часа.

— Рассвет слишком скоро. Я не знала, что уже так поздно. Мне нужно идти.

Я испытующе взглянул на нее.

— У меня нет защиты. — Она прикоснулась к моему кольцу, и я смущенно опустил глаза. Я так привык к этому лазуритовому украшению, что забыл, как сильно оно отличает меня от других вампиров, позволяя мне разгуливать при дневном свете. Катерина подарила нам с Дамоном такую защиту.

— Мы вернемся завтра. Остальные нам помогут, — настаивала Лекси.

— Я его не брошу.

На дереве защебетала птичка, а откуда-то неподалеку послышался звон бьющегося стекла. Оранжевая полоса в небе стала шире и ярче.

— Я понимаю, — сказала Лекси, — будь осторожен. Не играй в героя.

Я кивнул, изучая поместье в поисках охраны или затаившихся в траве животных. Когда я поднял голову, Лекси уже не было. Я остался один.

Проскользнув за дом, я подобрался к беленой конюшне. Лошади, чувствуя мое присутствие, рыли копытами землю. Двери были заперты на железный засов. Для проверки я потянул цепь. Хотя я почти ничего не ел накануне, я все равно легко порвал бы цепи голыми руками. Но что-то меня остановило.

«Не играй в героя», — эхом прозвучали в ушах слова Лекси. За прошедшие дни она стала моим учителем, и слушаться ее было в моих интересах. Лучше не оставлять никаких следов вторжения, лучше изучить поместье, прежде чем что-то предпринимать.

Я отпустил цепь, и она зазвенела о дверь. Лошадь заржала. Я обошел конюшню с другой стороны, где в пыльном окне обнаружилась дыра.

— Братик? — хрипло прошептал я в окно. Запах вербены проникал всюду, от него кружилась голова и тошнило.

Грязная куча в углу попыталась сесть. Дамон. Руки и ноги у него были скованы, на лице виднелись следы побоев. Цепи наверняка были вымочены в отваре вербены. Я вздрогнул, представив себе это.

Глаза Дамона встретились с моими.

— Ты нашел меня, — сказал он без эмоций. — Рад, что я скоро умру?

— Я пришел спасти тебя, — просто сообщил я. Лошади в волнении рыли опилки. У меня было совсем немного времени, пока кто-нибудь в доме не услышал шум.

Дамон пожал плечами — это движение отняло у него все силы. Налитые кровью глаза остекленели. Длинный порез пересекал лоб, захватывая бровь. Брат выглядел отвратительно и казался очень изнуренным. Очевидно, он не ел много дней.

Я осмотрелся, надеясь найти кого-нибудь — белку, кролика, бурундука, — кого я мог бы убить и бросить ему, но никого не обнаружил.

— Хладнокровный убийца собирается спасти меня. — Дамон изобразил тусклую улыбку. Он прислонился к стене, так что зазвенели цепи.

— Да. Нужно...

Вдруг послышался хлопок двери и собачий лай. Я обернулся к дому.

— И что же ты делаешь, по-твоему? — донесся до меня голос.

Я стоял, воздев руки к небу, и не зная, кем — или чем — я на этот раз обнаружен.

Стоя с поднятыми руками, я сжал губы. Я успел заметить, что при первых признаках стресса у меня растут клыки и расширяются зрачки, и не хотел готовиться к нападению, пока

не пойму, с чем столкнулся.

— Джейк? Чарли? — послышался женский голос, и двое огромных мужчин рванулись ко мне со стороны дома. Хотя каждый из них был в два раза крупнее меня, они абсолютно точно были людьми. Они схватили меня за руки, и я успел холодно отметить, что легкого движения моей руки хватило бы, чтобы стряхнуть их обоих, а потом атаковать самому.

Я вяло сопротивлялся, не опуская рук и надеясь, что сумею сойти за обычного бродягу. Неизвестно еще, поможет ли эта драка спасти Дамона.

С крыльца спустилась девушка и, подойдя, остановилась в футах от меня.

— Прошу прощения, — я старался говорить так, как будто с трудом перевожу дыхание, — я не понял, что это частное владение. Я только что приехал в город, сидел в баре и... — Я осекся, не зная, не приведет ли моя ложь к еще более серьезным проблемам.

— Ты думал, что сможешь ограбить меня? — Она сделала шаг вперед. Ей на спину падал водопад ярко-рыжих кудрей, украшенный чем-то подозрительно похожим на венок из вербены. На ней была белая ночная рубашка и почему-то мужские ботинки, а на ее ладонях я заметил мозоли. Хотя она точно была из хорошей семьи, на избалованную городскую девчонку она не походила.

— Нет. Нет! Я ничего не хотел украсть, я просто искал вампира.

Она свела брови и уперла руки в бока:

— Чтобы украсть его?

— Нет! — снова сказал я, невольно дергая рукой. Один из державших меня мужчин немедленно отпустил ее. — Я увидел афишу у озера, и меня одолело любопытство.

Мой противник мерзко засмеялся. Солнечный свет постепенно заливал двор. Я покосился на кольцо, радуясь тому, что Лекси ушла.

— Хорошо. — Девушка щелкнула пальцами, и меня отпустили. — И откуда же ты приехал?

— Мис... Миссисипи, — соврал я, — прямо через реку.

Она открыла рот, как будто собираясь что-то сказать, и снова закрыла.

— Ну тогда — добро пожаловать в Новый Орлеан. Не знаю, как там принято у вас на Миссисипи, но здесь нельзя прокрадываться на задний двор и пялиться на чужих животных. В следующий раз ты можешь наткнуться на кого-нибудь не такого доброго, как я.

Учитывая то, что она сделала с моим братом, при словах о ее доброте я с трудом удержался от смеха.

— И как же тебя зовут?

— Стефан. А вы — мисс Галлахер?

— Разумно, — саркастически отметила она, — да. Келли Галлахер.

Один из мужчин шагнул к ней, словно намереваясь защитить, но она велела:

— Идите. Я выведу мистера Стефана наружу.

— Спасибо, — сказал я с покаянным видом, следуя за ней по дорожке вдоль террасы к воротам, — спасибо за доверие.

— С чего ты взял, что я тебе доверяю? — резко спросила она, но по ее лицу промелькнула улыбка.

— В любом случае я должен поблагодарить вас за то, что не позволили своим громилам убить меня.

Она улыбнулась еще раз, шире. Зубы у нее были жемчужно-белые, но один из них оказался кривым. Курносый нос пятнали веснушки. Пахло от нее чем-то сладким, вроде апельсинов. Вдруг я понял, что впервые за долгое время встретил женщину, внешность которой понравилась мне больше запаха ее крови. Но под ее красотой скрывалась жестокость — именно она держала в плену моего брата.

— Может, ты слишком симпатичный чтобы тебя убивать. Кроме того, каждый заслуживает снисхождения.

Я посмотрел на ее мозолистые руки, и внезапно мне пришла в голову мысль:

— Не будет ли слишком самонадеянным с моей стороны попросить вас еще кое о чем?

Келли сузила глаза:

— Это зависит от того, чего конкретно ты хочешь.

— Работы. — Я расправил плечи.

Девушка недоверчиво покачала головой:

— Ты хочешь, чтобы я дала тебе работу? После того как ты залез в мой дом?

— Рассматривайте это как признак моей энергичности и любви к... уродам, — лгать оказалось совсем просто. — Новичку трудно найти работу, а я, честно говоря, всегда мечтал о цирке.

Она сжала челюсти, и я испугался, что сейчас она снова натравит на меня свою охрану. Но потом она осмотрела мои потертые штаны и вздохнула:

— Думаю, я еще пожалею об этом, но завтра вечером приходи на Лейк-роуд. Нам нужен новый билетер — прежний сбежал с толстой леди. Тебе придется прийти рано и остаться допоздна. Завтра будет много народу — из-за битвы.

— Точно. Битва. — Я сжал кулаки и проглотил все остальные слова.

— Да. — Улыбка вышла грустной. — Сможешь посмотреть на своего вампира в деле.

— Надеюсь, — с этими словами я вышел за ворота.

Если у меня все получится, никто не увидит «вампира в деле», потому что мы с Дамоном убежим очень далеко задолго до начала битвы.

15

7 октября 1864 года

Что-то изменилось. Может быть, дело просто в возрасте — что-то вроде раннего взросления вампира. Может быть, дело в опеке Лекси. Или в том, что я столкнулся с по-настоящему сложной задачей, где ставкой была смерть, и понял, что не могу сейчас тратить силы на споры. Но независимо от причин результат налицо. Хотя запах крови по-прежнему вездесущ, я больше не хочу охотиться ради интереса. Охота отвлекает. Это не развлечение, а способ добыть еду. Конечно, остается вопрос, как освободить Дамона. Нападать на всех подряд, устроив бойню? Убедить Келли снять венок из вербены, чтобы она начала повиноваться моим приказам? Но Келли и сама не беззащитна. Это понимают даже ее громилы, а не только я.

Конечно я силен. Без сомнения, я добьюсь своего. Я освобожу Дамона и вознагражу себя за это кровью Келли.

Я провел весь день, расхаживая по комнате. В пыли, покрывавшей деревянный пол, осталась дорожка. В голове один за другим мелькали планы спасения Дамона, но я отбрасывал их — они были или слишком отчаянными, или слишком рискованными, или слишком разрушительными. Охота на вампиров в Мистик-Фоллз показала, что одно неверное движение может повлечь за собой массовую жестокость и отчаяние.

— Ты похож на зверя в клетке, — сообщила Лекси, появившись в дверях. Говорила она весело, но лоб прорезали тревожные морщинки.

Я тихонько завыл и запустил руки в волосы:

— Я и чувствую себя так же.

— Ты уже придумал план?

— Нет! — выдохнул я. — И я даже не знаю, зачем пытаюсь что-то сделать. Он меня ненавидит, — внезапно мне стало стыдно, — он обвиняет меня в том, что я превратил его в вампира.

Лекси вздохнула и подошла поближе. Потом взяла меня за руку:

— Пошли.

Она вывела меня из комнаты и стала медленно спускаться по лестнице, ведя бледной рукой по висевшим на стене портретам. Все картины покрывал толстый слой грязи. Интересно, сколько времени они уже висят на стене? И бродит ли еще по земле хоть один из

изображенных на портретах — живой или неупокоенный?

В самом низу Лекси остановилась и сняла со стены одну из картин. Она была новее остальных, рама блестела золотом, а стекло сверкало чистотой. На меня смотрел молодой серьезный блондин. В голубых глазах притаилась грусть, а подбородок с ямочкой был вызывающе выставлен вперед. Он показался мне очень знакомым.

— Это твой...

— ...брат, — закончила Лекси, — да.

— Он... — Я осекся, не желая заканчивать фразу.

— Нет, его больше нет с нами. — Она обводила лицо нарисованного мальчика указательным пальцем.

— Как он умер?

— А это имеет значение? — резко спросила она.

— Думаю, нет. — Я тоже прикоснулся к краю картины. — Зачем ты это хранишь?

— Это память о прошлом. О той, кем я была, пока, — она махнула рукой вдоль тела, — пока не стала этим. Очень важно не оборвать последнюю нить, связывающую тебя с людьми, — глаза стали серьезными.

Я понял, что она имеет в виду: связь с людьми позволяла сохранять контроль над собой. И именно поэтому она питалась животными.

— Ты готов спасти его?

Как всегда, Лекси не стала дожидаться ответа, и мне пришлось быстро выскочить в дверь вслед за ней. Вдвоем мы под покровом ночи в полном молчании шагали к поместью Галлахера.

Через пятнадцать минут мы свернули на Лорел-стрит и увидели дом. Высокий человек с заметной сединой в волосах поднимался по белой лестнице, опираясь на трость с золотым наконечником. За ним шли два человека в черных костюмах. Все трое оживленно беседовали.

Лекси взяла меня за руку:

— Галлахер.

Троица остановилась на крыльце.

— Говорю вам, это настоящий вампир. Я могу его убить и продать вам его кровь. Вы составите себе состояние, продавая ее в качестве эликсира жизни или вечной молодости.

Желудок сжался. Тело Дамона делили, даже не убив его.

— Кровь... — задумался коренастый мужчина, потирая свой лысый череп, как будто это был хрустальным шар, — не уверен, что люди решатся ее попробовать. А сколько вы попросите за клыки?

Они вошли в дом и захлопнули за собой дверь.

Я понюхал воздух. Запах вербены обжег ноздри, но Дамона я не учуял.

Лекси толкнула ворота и ступила на лужайку.

— Что ты делаешь? — прошептал я. — Думаю, Дамона здесь больше нет.

— Да, но нужно точно выяснить, с кем и с чем ты столкнулся. Чем больше знаешь, тем проще будет выработать план действий.

Я согласился, и мы вдвоем прокрались к дому, прячась в тени. Мы остановились под окном, сжавшись, чтобы не привлекать внимания, и видели только сцену, разворачивавшуюся в гостиной. Голос Галлахера долетал до нас через открытое окно, а сам он устроился в коричневом кожаном кресле, задрав ноги и вертя в руках бокал портвейна. На пальце у него было толстое золотое кольцо.

В дальнем углу сидела Келли Галлахер, одетая в потертый рабочий комбинезон и белую льняную рубашку. Ее рыжие волосы были заплетены в косу и украшены вербеной. Она сосредоточенно изучала какой-то гроссбух. На облицованной мрамором стене висели гирлянды из вербены, а еще я заметил, что по столу раскиданы в беспорядке несколько амулетов против вампиров — таким же отец подчинил Катерину.

— У меня есть еще кое-что, что может вас заинтересовать. — Галлахер сверлил

взглядом старшего из своих собеседников, пока другой сидел молча. — Не хотелось обсуждать это на улице.

— Да? — Мужчина наклонился вперед. Он старался говорить равнодушно, но при этом нетерпеливо потирал руки с толстыми пальцами.

— У чудовища есть кольцо. Очень необычное. Голубой камень в серебре. Кажется, оно дает ему дополнительную силу. Ни один из моих людей не смог его снять, но когда вампир умрет...

— Папа! — вмешалась Келли. На нее оглянулись.

— Да, девочка, — голос Галлахера был пугающе тихим.

— Я прикинула по счетам — мы разбогатеет, если оставим его в живых. Это настоящая находка для шоу. — Выражение ее лица было очень деловитым, в отличие от голоса.

— Как скажешь, босс. — Галлахер расхохотался, но, судя по тому, как забилась жилка у него на виске, предложение Келли не оценил. — Доченька, не принесешь нам бренди?

Келли встала и вышла из комнаты. Я вдруг подумал, что мы похожи, и посочувствовал ей. Я знал, что такое по-настоящему строгий отец. Я хотел только одного — угодить ему, но Джузеппе Сальваторе всегда и все знал лучше. Только один раз я осмелился возразить, и он убил меня за это.

— Итак, я говорил о кольце, — продолжил Шллахер.

Я снова обратился в слух.

— Убейте монстра, и я куплю все. Клыки, кровь, кольцо. Все. И дам хорошую цену, — голос старика дрожал, выдавая его волнение.

Прежде чем я успел прыгнуть, разбив вдребезги стекло, отделявшее меня от человека, который вздумал продавать моего брата, железные пальцы завернули мне руки за спину, а потом вытащили меня на улицу.

— Держи себя в руках, Стефан! — велела Лекси и повела меня по боковой дорожке. На углу Лорел-стрит она меня отпустила.

— Этот человек... садист! — злился я.

— Он бизнесмен. Он хочет убить твоего брата. Обнаружив тебя, они и тебя захотят убить. — Лекси перебросила светлую косу за спину.

Ход моих мыслей переменялся:

— А как же девочка?

— А что с ней? — фыркнула Лекси.

— Она считает, что Дамона нужно оставить в живых. Может быть, она сумеет убедить в этом отца, — отчаянно предположил я.

— Даже не думай об этом. Она человек, и она будет слушаться папеньку до конца дней своих, — Лекси понизила голос до шепота, потому что рядом с нами прошла еще одна пара.

Поравнявшись с нами, мужчина приподнял шляпу, а Лекси присела в ответ. Для окружающих мы были просто молодой парой, романтически прогуливавшейся при лунном свете.

— На кону жизнь Дамона, — злобно сказал я. Лекси предложила помощь, но пока она только останавливала меня. — Мы должны что-то делать!

— Я знаю, что ты найдешь способ спасти его, — твердо сказала она.

Мы завернули за угол и увидели шпиль церкви напротив дома Лекси.

— Стефан, не забывай, что контролировать себя, находясь среди людей, значит не только не нападать на них, — у заднего крыльца она остановилась и положила руки мне на плечи, заставив меня заглянуть в ее ясные янтарные глаза. — Знаешь, почему мы на самом деле не пьем человеческую кровь?

— Почему?

— Потому что если мы не пьем человеческую кровь, то не нуждаемся в людях, — придушенно сказала она и открыла дверь. Бакстон, Хьюго и Перси сидели вокруг ломберного столика, играя в покер. Когда мы вошли, они синхронно подняли головы, а

Бакстон сузил глаза.

— Мальчики, идем танцевать. Нам нужно развеяться, — объявила Лекси, наливая себе стакан крови из стоявшего на другом столе графина и оглядывая комнату. Все трое кивнули.

— Стефан, ты с нами?

Я покачал головой. Мне не хотелось веселиться.

— Нет, — ответил я и поднялся наверх, в одиночестве планировать спасение Дамона.

16

Напрасно я искал сна — сон бежал от меня.

Закрывая глаза, я видел опутанного веревками Дамона, сидящего на жестком деревянном стуле. Там, где вымоченные в отваре вербены веревки впивались в плоть, сочилась темная кровь.

Потом я увидел Келли, ее пламенеющие волосы и горящие пугающей страстью глаза. Она вместе со своим отцом танцевала вокруг лежащего на земле Дамона. Они торжествующе выбрасывали в воздух руки с зажатыми в них колами, заостренными до игольной остроты. По мере того как они приближались, готовясь к удару, их движения становились все более устрашающими...

Но хуже всего были видения, в которых являлась Катерина. Она была так же прекрасна, как всегда. Я видел над собой ее фарфорово-бледное лицо, а роскошная грива щекотала мне плечи. С кокетливой улыбкой она склонялась надо мной, а потом открывала рот. Сверкающие в свете лампы клыки впивались мне в шею.

Я открыл глаза. Эти сны не дадут мне отдохнуть. Вместо этого я подумал о Катерине. Человек во мне — или то, что от него осталось, — ненавидел ее всей душой. Когда я думал о ней, о том, как она уничтожила мою семью, руки непроизвольно сжимались в кулаки.

Но вампир во мне скучал по ней, по любви и стабильности. Часть моей души останется жить в вечности — а часть будет всегда стремиться к Катерине. Я хотел, чтобы она была здесь, рядом со мной, в моей постели. Я хотел, чтобы она стояла, опершись о подоконник, и слушала, как я рассказываю ей о Дамоне. И чтобы она спокойным, даже холодным голосом сказала мне, что делать. Рядом с Катериной я становился бесстрашным и уверенным в себе. Рядом с ней все казалось возможным.

Хотя я доверял Лекси, я знал, что она в меня не верит... она уверена, что ни один из моих планов не сработает. Поэтому Лекси так часто напоминает мне о тех препятствиях, которые меня ждут. Я скучал по той Катерине, которой я сдался. По той, которая казалась абсолютно бесстрашной и по-настоящему заботилась обо мне. Я хотел, чтобы она была здесь прямо сейчас, чтобы я не чувствовал себя таким одиноким. Но она ушла и никогда не вернется.

Открылась дверь, и я увидел Лекси с бокалом звериной крови. Она поднесла его к моим губам, и я сделал несколько больших глотков, несмотря на поднявшееся во мне отвращение.

Когда я осушил бокал, она поставила его на ночной столик и отвела мне волосы со лба.

— Ты действительно собираешься сражаться ночью?

— Ты попытаешься остановить меня?

— Нет, — Лекси прикусила губу, — нет, если ты хочешь только спасти брата. Месть — для людей. Убийство Галлахера ничему их не научит.

Я кивнул, хотя знал, что все равно использую грубую силу, если это понадобится для спасения Дамона.

— Отлично, — Лекси направилась к двери. На полпути она обернулась и посмотрела на меня. Ее черты смягчились. — Однажды у тебя уже получилось обмануть смерть. Надеюсь, получится и во второй раз.

Одевшись, я отправился на Лейк-роуд с обычной человеческой скоростью. Когда я туда добрался, уже стемнело. На ярмарочной площади оказалось светло как днем — по ее периметру были установлены фонари и факелы. Красно-белый цирковой шатер окружали

аттракционы и отдельные палатки. «Предсказываем судьбу!» — гласила одна из вывесок. «Посмотрите на самую страшную женщину в мире — если осмелитесь», — приглашала другая. Я слышал ворчание какого-то зверя в дальнем углу, но никак не мог почувствовать Дамона.

Как раз в этот момент из шатра вышла Келли в сопровождении отца и двух охранников. На ней был тот же, что и в прошлый вечер, комбинезон поверх мужской рубашки, а волосы спадали на плечи. Под глазом было грязное пятно. Внезапно мне захотелось стереть его, но вместо этого я спрятал руки в карманы.

— Стефан! — позвала она, расплываясь в улыбке. — Ты пришел. Папа, я о нем тебе говорила.

Вблизи мистер Галлахер выглядел еще внушительнее. Он возвышался надо мной, сведя темные брови. Я попытался сохранить невинное выражение лица. Лекси сказала, что Галлахер — опытный охотник на вампиров, — вдруг он сможет вычислить меня просто посмотрев?

— Дочь сказала, что ты интересуешься вампирами. Докажи, что ты серьезно к этому относишься, и можешь приступать к обязанностям билетера. Потом поговорим.

— Да, сэр. — Я снова почувствовал себя послушным мальчиком Стефаном.

— И еще, мальчик... — Галлахер повернулся ко мне.

— Да?

— Хочешь сделать ставку на исход битвы? Победитель получит очень много. Ты можешь разбогатеть. — Он приподнял бровь.

У меня сузились глаза, и кровь вскипела в жилах. Как он смеет предлагать мне играть на жизнь брата? Как он смеет быть настолько уверенным в себе, когда я могу задушить его почти мгновенно?

— Стефан? — встревожено спросила Келли. Заставив себя успокоиться, я вывернул карман своих изношенных бриджей.

— Боюсь, сэр, мне нечего поставить. Поэтому я так благодарен вам за эту работу.

Галлахер сделал шаг в мою сторону и испытывающе посмотрел на меня:

— Ты сказал, что ты с Миссисипи, мальчик? Но выговор у тебя северный. Виргинский, пожалуй.

— Родители были из Виргинии. Думаю, я перенял говор у них, — произнес я как можно спокойнее.

Спустя очень длинную секунду он кивнул:

— Хорошо. Получишь немного денег, найди меня. Кстати, Келли покажет тебе веревки. И еще... — Он повернулся, собираясь уходить.

— Да, сэр?

— Я буду следить за тобой.

17

— Не бойся, — сказала Келли, как только ее отец отошел достаточно далеко.

— Я и не боюсь, — соврал я.

Ее зеленые глаза обежали меня сверху донизу, как будто она мне не поверила. Но продолжать она не стала.

— Я тебе все покажу. — Она повела меня в одну из маленьких палаток. В углу склонилась над зеркалом женщина. Она встала, услышав нас, и я от неожиданности отступил на шаг. Ее лицо покрывали татуировки. Впрочем, при ближайшем рассмотрении они оказались рисунками, выполненными быстросохнущей тушью.

— Татуированная женщина, — представила Келли, — и ее сиамские близнецы.

Женщина с близнецами помахали нам. Тела близнецов соединялись в районе бедер. Близнецы были красивые, светловолосые и грустные. Человек с плавниками вместо рук что-то шептал им на ухо. Они посмотрели друг на друга и засмеялись.

— Это шоу. — Келли широко раскинула руки, и я впервые заметил деревянный колышек, свисавший с ее запястья на серебряной цепочке. А за ухо у нее был заправлен побег вербены.

— Мисс Келли! — Огромный, футов семи ростом, человек втиснулся в палатку и подошел к нам. Он взял ее изящное запястье и развернул ее к себе.

— Арнольд! — радостно воскликнула она и пояснила мне: — Самый сильный человек в мире. Женат на бородатой женщине. Как себя чувствует Каролина? — поинтересовалась она.

Гигант пожал плечами.

— Неплохо. Ждет не дождется возможности вернуться и показать всем детишек.

— У них только что родились близнецы, — нежно сказала Келли.

Я поздравил гиганта и посмотрел через плечо Келли. Где они держат Дамона?

— С тобой все в порядке? — спросила Келли. Она задела мою руку, и я вздрогнул от прикосновения побега вербены.

— Мне нужен свежий воздух. — Я выскочил из палатки.

Келли выбежала за мной.

— Извини, Стефан, — холодно сказала она. — Некоторым здесь не нравится. Им неуютно. Но мне показалось, что ты не такой.

— Нет, дело не в этом. — Даже среди этих существ я был самым странным: вампир, который пытается изображать человека. — У меня просто голова кружится. Честное слово, мне тут нравится.

— Хорошо, — сказала она не слишком уверенно и повела меня дальше.

Мы миновали двухголовую кошку, грустную обезьянку, игравшую на губной гармошке «Том Дули», и скелет, украшенный табличкой «Морское чудовище». Некоторые встречавшиеся нам уроды были обычными актерами, а их лишние конечности были тряпичными, набитыми соломой, зато другие уроды действительно родились такими.

— Пошли. — Келли потянула меня за руку, но я не двинулся с места. В палатку въехала черная железная тележка — на такой же отец перевозил вампиров во время охоты в Мистик-Фоллз. Она остановилась, и кучер спрыгнул с козел. Рядом тут же возникли пятеро крепких мужчин с колами. Кучер открыл повозку. Запах вербены повис в воздухе, и у меня заболели суставы.

Дамон.

— Там твой вампир. — Губы Келли сжались в тонкую линию, когда пятеро мужчин вытащили Дамона из повозки. Один из них, одетый в пропотевшую рубашку с закатанными рукавами, держал кол над сердцем Дамона.

— Осторожнее, Джаспер! Он должен остаться в живых до битвы, — резко крикнула Келли. Дамон повернулся к нам, оскалив клыки. Я заметил в его глазах удивление, тут же сменившееся презрением.

— Мой дорогой братик добрый самаритянин, — прошептал он, почти не двигая губами, так что его услышал только я.

От его голоса по телу прошла дрожь. Келли тряхнула головой, и я понял, насколько мне опасно находиться так близко к Дамону. Может ли злоба заставить его выдать меня?

— Вы уверены, что я не могу помочь справиться с вампиром?

— Ты слышал, что сказал отец. Начнешь в качестве билетера. Если кто-то попытается пробраться внутрь, предоставь его Баку, — она указала на громадного мужчину, который следовал за ней в нескольких шагах, как огромная тень.

Снаружи послышался какой-то шум. Когда мы вышли, Келли присвистнула. Палатки были плотно закрыты, и множество людей толпилось вокруг деревянной будки билетера. Некоторые из них, с грязными руками и в дырявых штанах, явно были из палаточного городка у озера. Другие же были одеты в свои лучшие наряды: мужчины в цилиндрах и шелковых смокингах, женщины в шляпках с перьями и шелковых платьях, с наброшенными на плечи мехами.

Келли повернулась ко мне, ее глаза сияли:

— Еще никогда не было столько народу! Папа будет счастлив! — Она захлопала в ладоши.

— Иди, помогай Баку! — велела она, прежде чем убежать обратно в шатер. Я стоял в деревянной будке у входа, пытаюсь услышать Дамона. Вместо этого моих ушей достигали только обрывки разговоров публики.

— Ставлю сотню на пуму.

— Нет, победит вампир. Чудовища всегда побеждают.

— Я сказал этой милой леди, что она будет должна мне поцелуй, если победит пума, — икнул какой-то пьяный.

Я сжал зубы, борясь с желанием выскочить наружу и укусить каждого, просто чтобы преподать им урок. Но я помнил слова Лекси о мести. Эти убийства не помогут мне спасти Дамона.

Кто-то хлопнул меня по плечу. Я крутанулся, готовясь обнажить клыки.

Это оказался Галлахер, лицо которого прямо светилось от волнения.

— Поспешим, сынок. Битва вот-вот начнется, и, чем больше их набьется в шатер, тем больше будет денег.

Он залез на перевернутый ящик из-под яблок, стоявший у входа.

— Подходите! Добро пожаловать в мой Оддиториум! Посмотрите на самую страшную женщину в мире, полюбуйте на самого сильного человека! Но это только начало! Сегодня нас ждет великая битва, подобной которой никогда не было. Чудовище и зверь. Кто победит? Кто хочет сделать ставки? Кому-то смерть, а кому-то — богатство.

Толпа еще плотнее сгрудилась вокруг моей будки, как копошащийся рой насекомых. Галлахер оскалился:

— Запускай их внутрь и принимай ставки.

И я вынужден был принимать у них монеты и оранжевые квадратики бумаги, вместо того чтобы переломать им шеи — с такой легкостью, как будто это сухие ветки, — и выпить всю их кровь.

18

Продав последний билет и получив последний доллар, я немедленно проскользнул в шатер вслед за толстым мужчиной, сжимавшим в каждой руке потные пачки банкнот Конфедерации. В воздухе стояла густая вонь пота, опилок и, конечно, крови.

Люди толпились вокруг, платили за удовольствие попятиться на силача или татуированную женщину, прятаящихся за плотными черными занавесями по периметру шатра. Но большая часть зрителей сгрудилась вокруг Джаспера. Заключались серьезные пари, слышались крики и хлопки ладоней, пачки засаленных банкнот переходили из рук в руки. Джаспер пожевывал свою обслюнявленную сигару и посмеивался.

Моряки рвали из бумажников иностранные векселя, подростки собирали мелочь, хорошо одетые господа в галстуках крутили в руках золотые монеты.

— Дра-ка! Дра-ка! Дра-ка! — начал скандировать краснорожий мужчина.

Стоящие рядом с ним тут же подхватили этот крик. Три хорошо одетые женщины с уложенными вокруг головы волосами посмотрели друг на друга, захихикали и тоже закричали тонкими голосами, отчетливо слышными среди мужских воплей.

Галлахер вошел в шатер, чертя тростью след в опилках. Публика оборачивалась и вытягивала шеи, чтобы посмотреть на него. Он был не менее интересным, чем его уроды. В конце концов, это ведь он поймал вампира.

— Я в тебя верю, брат, — прошептал я, вспомнив, как Дамон всегда выходил победителем из драк в Мистик-Фоллз. Он никогда не ввязывался в них сам, но всегда был хорошим бойцом и очень быстро отправлял противника в нокаут. Поэтому его так уважали в армии. Но драться с пумой, проголодав много дней... я содрогнулся.

— Брат, — я шептал так тихо, чтобы мог услышать только он. Я надеялся хоть на

какой-то ответ, хотя не был уверен даже, что он меня действительно слышит. Но он ничего не ответил, даже если и слышал меня.

— А теперь позвольте представить наших бойцов!

Голос Галлахера прервал мои мысли.

Двое дрессировщиков в кожаных перчатках и сапогах до колен вывели на арену шелудивую пуму.

Она была серовато-желтая и, несмотря на истощение, выглядела опасной. И голодной. Выйдя на арену, она зарычала.

— В одном углу ринга — пума. Это не обычный зверь. Это мстительница из Альберты! Она пришла сюда из Канады за охотником, убившим ее самца. Она сожрала самого охотника, его жену и детей, кроме самого младшего. Ему она только оторвала ноги. Оставшийся в живых ребенок и поведал нам эту историю. С тех пор путь пумы можно было проследить по газетам — она оставляла за собой след из крови невинных, не делая разницы между Союзом и Конфедерацией. Мы поймали ее при попытке пробраться на судно, идущее в Анды в Южной Америке. Итак, леди и джентльмены, пума! — Галлахер в полной мере демонстрировал свой талант лицедея.

Толпа заревела, зааплодировала, кто-то закричал.

— Ее противник — легендарный вампир, которым несколько веков пугали не только детей, но и их родителей. Виктор Жестокий родился в тысяча пятьсот восемьдесят девятом году. Он был наследником империи Габсбургов, но попробовал кровь — это была кровь его сестры — и с этого началась трехсотлетняя оргия, покрывшая всю землю досуха выпитыми телами. Если считать по две жертвы в день, Виктор убил полтора миллиона человек, что в два раза превышает население Италии. Сегодня мы воочию увидим эту неутолимую жажду крови.

Аплодисменты на сей раз оказались более жидкими, но кричали зрители громко.

Галлахер простер руку, и Дамон вступил на арену в окружении четырех охранников. Его руки и ноги были скованы цепью, лицо закрывал намордник. Кожа сочилась кровью из-за вербены, глаза покраснели, а такого выражения лица я раньше у него никогда не видел.

Я понимал испытываемую им ненависть — я поминутно боролся с собой, чтобы не убить тех, кто держал его в плену. Но заключение изменило брата. В его глазах не было ни азарта, ни стремления выжить — только жажда крови.

В шатре воцарилась тишина. Пума рвалась из цепей, а Дамон просто стоял, как будто не зная, что ждет его в ближайшем будущем.

— И... начали!

Охранники разомкнули цепи Дамона и пумы и ретировались с арены. Пума прыгнула, толкнув Дамона в грудь. Он дико закричал и упал, но тут же вскочил. Лицо у него внезапно вспыхнуло, он зарычал, появились клыки. Я знал, что это инстинкт: Сила Дамона показала себя при первом признаке агрессии. Я узнал об этой особенности нашего вида за прошедшие несколько недель — многое мы делаем еще не успев осознать. Несмотря на внешнюю слабость Дамона, его Сила еще сохранилась.

Пума снова прыгнула, и Дамон пригнулся, уворачиваясь от когтей, а потом распрямился и схватил зверя за горло. Но пума отбросила Дамона, он покатился по арене и остановился только упершись в ограду.

Дамон снова застонал и остался лежать. Пума кружила по арене.

Толпа взбесилась. Они хватили друг друга и махали руками в воздухе, как будто сами дрались.

Один из охранников ткнул Дамона, заставляя встать. Дамон, не оборачиваясь, отмахнулся, вбив охранника в ограду. Пока тот силился подняться, кто-то из публики пнул его в живот, а потом перебросил через ограждение, в грязь. Дамон не обратил никакого внимания на эту суету и двинулся к центру арены, предоставив пуме медленно описывать круги вокруг него.

После долгой паузы Дамон закричал и побежал к пуме. Она зарычала и бросилась на

Дамона, но он отступил в сторону и поймал ее за шею. С неожиданной силой Дамон опрокинул пуму на спину. Он бы убил ее, но она вскочила и вонзила когти Дамону в руку.

Пума махала лапой, швыряя Дамона по воздуху, как муху на крючке. Наконец, плоть порвалась, и Дамон, оставляя за собой след из кровавых капель, пролетел по воздуху и обрушился на песок с тяжелым звуком, который даже я почти не расслышал за криками обезумевшей толпы.

Дамон поднялся на ноги, придерживая раненую руку другой. Он исцелялся не так быстро, как другие вампиры, — я побоялся, что вербена повлияла на его Силу.

Становилось все очевиднее, что ему нужна кровь. Инстинкт самосохранения и боевой азарт кончались. Я готов был броситься на арену, потащив за собой стоящего передо мной крупного мужчину, но тут теплая ладонь легла на мой локоть.

Келли.

— Это ужасно, — у нее побелели костяшки пальцев, а губы дрожали, — я не могу больше смотреть на этот кошмар.

— Попроси отца это остановить.

Толпа все быстрее топала ногами по деревянному полу, и вместе с топотом ускорялось биение сердец. Пятен крови в опилках им не хватало — они жаждали смерти.

Теперь Дамон кружил по арене, а пума сжалась в комок в центре, почти не двигаясь и следя за ним внимательными глазами. Вдруг Дамон рванулся и побежал вокруг зверя с такой бешеной скоростью, что пуме пришлось крутиться как будто преследуя собственный хвост.

Воцарилась тишина. Под пологом шатра слышались только шаги Дамона и пумы. Дамон продолжал свою охоту, двигаясь быстрее, чем пума могла хотя бы заметить.

Толпа смотрела, как Дамон скользнул к пуме и, пока та не поняла, с какой стороны он нападает, набросился на нее. Он укусил ее за загривок и держал, предоставив ей биться и вырываться.

Келли вцепилась в мою руку. Я не отрывал глаз от поединка, готовый бежать на арену, если понадобится мое вмешательство.

Пума двигалась все медленнее. При каждом ее рывке в опилках появлялся еще один красный ручеек. Левая задняя лапа ослабла и дрожала. Пума начала валиться на песок. Дамон отпустил ее и отскочил назад, готовый впиться в вену на шее.

И тут пума поднялась и отбросила Дамона. Пока он пытался встать, она укусила его за бок.

Толпа снова закричала, потом засвистела.

— Дерись! — умолял я, сжимая кулаки.

Дамон обмяк, как старый носок в собачьей пасти. Пума швырнула его на песок, а потом широко раскрыла пасть. Но не успела она броситься, как Дамон откатился в сторону. Он ударил пуму плечом, запрокинув ее голову так, что стали видны короткие белые волоски у нее на горле.

Дамон клыками разорвал вену. Пума затихала, по мере того как лужа крови на арене становилась все больше, пока не превратилась в целое озеро. В его центре оказался мой брат, стоявший на коленях над мертвой пумой.

Он встал и сделал шаг назад. Посмотрел на толпу, широко улыбаясь. С клыков капала кровь. Толпа кричала и свистела, а Дамон обзирал ее, облизывая губы.

Галлахер хлопал толстыми ладонями. Поставившие на победителя прыгали и обнимались. Проигравшие швыряли шляпы на землю или просто мертво смотрели перед собой.

Я бросился вперед, пытаюсь пробраться к брату, но к нему уже подходили охранники, держа наготове цепи и пропитанные вербеной сети. Опынев от такого количества крови на голодный желудок, Дамон не замечал их. Прежде чем я успел хотя бы закричать, чтобы предупредить его, его стянули сетями и потащили с арены.

Даже спеша изо всех сил, я не успел бы преодолеть толпу, загораживавшую путь. Между мной и выходом, крича и улюлюкая, теснились гуляки. Когда я проложил себе путь

наружу, повозка уже уезжала с ярмарочной площади.

Свистел кнут. Стучали копыта. Дамона увезли.

19

Я бежал по следу повозки мимо хижин, а потом через лес, пока на самом краю города не потерял запах. К кирпичной стене здания прислонился пьяница, что-то не мелодично насвистывавший.

В порыве слепого гнева я бухнулся на колени, схватил его, вонзил клыки в шею и высосал всю кровь прежде, чем он успел хотя бы застонать. Кровь была горькой, но я глотал, пока ноги не начали подкашиваться.

Сидя на корточках, я вытер рот тыльной стороной ладони и огляделся. Меня терзали смутение и ненависть. Почему я не смог спасти Дамона? Почему я просто смотрел на подстрекавшего толпу Галлахера, пока пума рвала моего брата? Почему Дамон позволил взять себя в плен и поставил меня в это немыслимое положение?

Лучше бы я не настаивал на том, чтобы он стал вампиром. Если бы его тут не было, и я бы приехал в Новый Орлеан один, все было бы намного проще. А теперь я пытался быть хорошим братом и хорошим вампиром одновременно, и у меня не получалось ни того ни другого.

Я пошел домой. Протопал по ступенькам, толкнул дверь, так что задребезжали петли; одна из висевших в холле картин со стуком упала на пол.

Бакстон смотрел на меня с другого конца комнаты. Его глаза светились в темноте.

— У тебя какие-то проблемы, связанные с дверьми? — поинтересовался он сквозь сжатые зубы.

Я попытался пройти мимо, но он загородил мне дорогу.

— Извини, — пробормотал я, отодвигая его с пути.

— Извинить? — Бакстон сложил руки на груди. — Вваливаешься, как будто к себе домой. Воняешь как человек. Не мне указывать мисс Лекси, но, думаю, тебе нужно демонстрировать уважение к ее дому... брат.

Слово «брат» обожгло меня.

— Думай, что говоришь, — оскалился я.

Бакстон только усмехнулся:

— Я буду думать, что говорю, когда ты будешь думать, что делаешь.

— Мальчики? — окликнула Лекси сверху мелодичным голосом, так не соответствующим происходящему внизу. Она спустилась по лестнице, и при виде меня в ее глазах мелькнуло беспокойство:

— Дамон?..

— Жив. Но мне не удалось его спасти.

Лекси присела на край хлипкого кресла-качалки и посмотрела на меня сочувственно:

— Бакстон, ты не принесешь нам козьей крови?

Глаза Бакстона сузились, но он послушно отправился в кухню. Из гостиной доносились звуки рояля — Хьюго играл веселый французский марш.

— Спасибо. — Я сел на диванчик. Мне не хотелось козьей крови. Я хотел галлонами вливать в себя человеческую кровь, пить ее, пока не заболел и не впаду в забытие.

— Он сильный, — сказала Лекси.

— Бакстон меня не волнует.

— Я имею в виду твоего брата. Если он похож на тебя, он сильный.

Я посмотрел на нее снизу вверх. Она приблизилась и взяла меня за подбородок.

— Ты должен в это поверить. Я верю. Проблема в том, что ты хочешь, чтобы все было идеально. Ты нетерпелив.

Я вздохнул. Меньше всего мне хотелось выслушивать очередную лекцию о жизни вампиров.

Кстати, я вовсе не был нетерпеливым. Я был в отчаянии.

— Разработай другой план, который поможет его спасти. — Лекси взглянула на Бакстона, который принес серебряный поднос с двумя кружками.

Бакстон остановился.

— Faut-il l'aider² — спросил он по-французски.

— Nous l'aiderons,³ — ответила Лекси.

Они не знали, что в детстве я изучал французский. Странно было слышать, как они обсуждают, помочь ли мне освободить Дамона. Я уставился на свои руки: на них все еще оставалась засохшая кровь последней жертвы.

Бакстон брякнул поднос на полированный вишневый стол.

— У тебя не получится втянуть нас в это дело, — проревел он, почти касаясь клыками моей шеи. Он с силой оттолкнул меня к стене, и я ударился затылком о мраморную каминную доску.

Проснулась Сила, и я ударил его в плечо. Но Бакстон был старше и сильнее, он прижал меня к стене, упираясь руками в грудь. Я почувствовал, как по ушибленному затылку потекла кровь.

— Ты себялюбивое неблагодарное чудовище, — с ненавистью прошептал Бакстон. — Я уже видел таких вампиров. Ты воображаешь, что тебе принадлежит весь мир, тебе наплевать на других. Ты портишь нам всем репутацию.

Я изворачивался и дергался, пытаюсь вырваться из его захвата, но вдруг руки, сдавливавшие мою грудь, ослабили хватку, и Бакстон с громким стуком грохнулся на пол.

— Бакстон, — поучительным тоном сказала Лекси, смотря на лежащее у ее ног тело, — сколько еще веков нужно, чтобы ты научился обращаться с гостями? Стефан. Думаю, человеческую кровь ты переносишь плохо. Необязательно было так себя вести, — она говорила как рассерженная учительница. — А теперь я выпью свою кровь в тишине. Удачи, мальчики. — Она выскользнула из комнаты с кружкой крови в руках.

Как она могла уйти так спокойно, зная, что моего брата держат в плену и пытаются? Я во многом зависел от Лекси, и мне сейчас важнее всего было получить помощь в поиске и спасении Дамона.

Как будто услышав мои мысли, она остановилась в дверях, ведущих на ее половину, и посмотрела на нас обоих.

— Если я скажу... когда я скажу, что нужно спасти Дамона, мы его спасем. Ясно это вам обоим?

— Да, мисс Лекси, — Бакстон с трудом поднялся сначала на колени, а потом на ноги.

Я кивнул, почти не скрывая гнева. Если?

Бакстон похромал вон из комнаты, напоследок еще раз одарив меня сердитым взглядом.

Дом вдруг показался мне слишком маленьким. Стены, пол и потолок давили со всех сторон. Зарывав, я пролетел через холл, выскочил в дверь и побежал обратно на Лейк-роуд.

20

На следующее утро я проснулся от того, что кто-то потряс меня за плечо.

— Отстань! — пробормотал я, но будивший оказался настойчив.

Я открыл глаза и обнаружил, что лежу, свернувшись в клубок, рядом с одной из палаток цирка уродов.

— Ты спал здесь? — спросила Келли, складывая руки на груди. Я сел и протер глаза,

² Ему нужна помощь.

³ Мы поможем.

вспоминая предыдущий вечер. Я вернулся на площадь, не зная, куда еще идти, и завалился спать.

— Доброе утро, мисс Келли, — я проигнорировал ее вопрос. Встав, я смахнул грязь со штанов. — Чем я могу вам помочь?

Она пожала плечами. На ней было розовое хлопковое платье, подчеркивавшее тонкую талию и оставлявшее открытыми усеянные веснушками руки.

Цвет платья плохо сочетался с ярко-рыжими волосами, и почему-то она напомнила мне шиповник.

— Мы собираемся сделать перерыв на несколько дней. Папа получил столько денег, что хочет сделать следующее представление еще грандиознее. — Келли улыбнулась. — Первое правило шоу-бизнеса: заставь публику хотеть большего.

— Как там Да... вампир? — спросил я, рукой закрывая глаза от солнца. Хотя кольцо защищало меня от смерти, под солнечными лучами я все равно чувствовал себя незащищенным и неуклюжим. Темнота прятала мои клыки, а при свете дня приходилось постоянно контролировать скорость своих движений, не отвечать на вопросы, которые я, по идее, не должен услышать, и не давать воли своему голоду.

Келли убрала выбившуюся прядь пламенных волос за ухо.

— Думаю, с вампиром все в порядке. Папа велел постоянно за ним присматривать. Никто не хочет, чтобы он умер. Пока, по крайней мере.

Пока меня не слишком обрадовало, но это было уже что-то. У меня появилось время.

Она нахмурилась:

— Конечно, вряд ли ему вообще дадут умереть. То, что мы делаем с ним и с животными, отвратительно, — она говорила очень тихо, практически себе под нос.

Я быстро взглянул на нее. Неужели судьба Дамона ей не безразлична?

— Можно мне на него посмотреть? — спросил я, сам удивляясь собственной смелости.

Келли шлепнула меня по руке:

— Нет! Если, конечно, ты не заплатишь, как и все остальные. Впрочем, он все равно не здесь.

— Э-э-э...

— Э-э-э, — передразнила она, но потом ее взгляд смягчился. — Не могу поверить, что ты действительно здесь спал. Тебе некуда идти?

Я смело выдержал ее взгляд:

— Я... поссорился с семьей — это была не совсем ложь.

Тем временем цирк начал просыпаться. Из палатки вышел силач — лицо у него было усталое. Неожиданно он упал на землю и принялся отжиматься. Предсказательница судьбы с полотенцем в руках направилась к озеру, подальше от чужих глаз — очевидно, умываться. Двое неизменных охранников внимательно смотрели на нас с Келли.

Келли тоже это знала:

— Погуляем?

Она пошла по грязной дороге к краю озера, откуда уже не был виден цирк. Подняла камень и бросила в озеро. Он тяжело плюхнулся в воду.

— Никак не научусь пускать «блинчики», — сказала она таким грустным голосом, что я расхохотался.

— Что смешного? — Она снова ударила меня по руке. Ударил легко, в шутку, но браслеты у нее на запястье были перевиты вербеной, и ее прикосновение обожгло кожу. Она положила руку мне на плечо.

— Ты в порядке? — Она наморщила лоб.

Я вздрогнул и соврал:

— Да.

— Ну ладно. — Она бросила на меня скептический взгляд. Наклонилась за еще одним камнем и выразительно подняла рыжую бровь, прежде чем бросить его в воду. Камень булькнул.

— Кошмар! — Я тоже подобрал камень и пустил его по воде. Он успел отскочить от нее пять раз, а потом затонул.

Келли засмеялась и захлопала в ладоши:

— Научи меня.

— Резче двигай запястьем. И возьми плоский камень. — Я заметил гладкий коричневый камешек с белой полоской и вручил ей. — Держи. А теперь бросай. — Я коснулся ее руки, следя за тем, чтобы не задеть вербену.

Она закрыла глаза и швырнула камень, который все-таки отскочил от воды. Она победно вскинула руки.

— Спасибо, Стефан, — ее глаза сияли.

— Больше не чужак? — поддразнил я.

— Ты меня чему-то научил. Значит, мы друзья.

— Правда? — Я бросил еще один камень.

Мы с Дамоном пускали «блинчики» в пруду около дома. Загадывали желания и верили, что они исполнятся, если угадать число подскоков. Я ненадолго закрыл глаза. Если он подпрыгнет пять раз, я освобожу Дамона. Но камень оказался тяжелым и утонул после двух «блинчиков». Я разозлился на самого себя за веру в детские игры.

— Итак, в чем же твоя самая главная проблема? Неумение пускать «блинчики»? — Я постарался сохранить легкий тон разговора.

Она улыбнулась, но глаза у нее были грустные:

— Нет. Тебе не кажется, что с воображаемыми проблемами зачастую труднее справиться, чем с реальными?

— Кажется, — тихо сказал я.

Солнце медленно поднималось над горизонтом, окрашивая озеро оранжевым. Несколько лодок уже были на воде; рыбаки забрасывали сети. Ветер свистел в ушах, напоминая о том, что, каким бы теплым ни было солнце, зима все равно близится.

— Я никогда ни с кем об этом не разговаривала. Второе правило семейного бизнеса Галлахеров — не доверять никому.

— Твой отец — жесткий человек, — рискнул я, почувствовав ее напряжение, — может, слишком жесткий?

— Мой отец чудесный, — бросила Келли и нахмурилась, приложив руку к губам.

— Прости, — поняв, что слишком тороплю события, я поднял руки, будто сдаваясь, — это было недопустимо с моей стороны.

Келли опустила руки.

— Нет, это ты меня прости. Я его защищаю. Он — все, что у меня есть.

— А где твоя мать?

— Умерла, когда мне было шесть лет, — просто сказала Келли.

— Я понимаю. — Я подумал о собственной матери. — Это тяжело...

Келли сорвала травинку и начала рвать ее на мелкие кусочки.

— Я стараюсь быть сильной. Но после маминой смерти папа ушел в работу.

— И ты, кажется, тоже.

— Теперь, когда затея с вампиром оказалась успешной, я надеюсь, что все изменится к лучшему. Отец вспыльчивый и это тем заметнее, чем меньше у него денег.

При упоминании «затеи с вампиром» я пнул ногой гальку. Несколько камешков молниеносно пролетели по воздуху и с громким всплеском упали в воду в нескольких метрах от берега.

— Что это было? — насторожилась Келли.

Я заставил себя улыбнуться и успокоиться, чтобы казаться похожим на человека. Разозлившись, я забыл, что нужно прятать Силу:

— У меня просто большой опыт по части бросания камней.

Келли подняла бровь, как будто хотела поспорить. Но сказала только:

— Пошли обратно. Папа хочет, чтобы мы убрали площадку.

— Отлично, — кивнул я. Наедине с Келли я почти потерял контроль над собой.

— Стефан, я тут подумала... если несколько дней представлений не будет, ты не мог бы показать мне город?

— Но я не знаю города. Ты живешь здесь дольше меня.

Щеки Келли заалели:

— Папа не разрешает мне выходить из дома, только по делу. Но в Новом Орлеане столько разных развлечений и приключений. — Она посмотрела на меня сквозь длинные ресницы. — Пожалуйста... с тобой я буду в безопасности.

Я чуть не рассмеялся над ее заявлением, но смех застрял в горле. Келли ошиблась: со мной она необязательно будет в безопасности, но я смогу использовать ее как гарантию безопасности моего брата. В конце концов, ей известно все о цирке Галлахера — в том числе и то, где ее отец держит Дамона.

— Хорошо, давай так и сделаем.

— Это будет так весело! — Келли схватила меня за руки и закружила. — Жди меня в парке в конце моей улицы в девять часов. — Она поднялась на цыпочки и поцеловала меня в щеку. Она была так близко, что я почти чувствовал биение ее сердца. Я отпрянул — у меня закружилась голова и зачесались челюсти. Мне пришлось отвернуться, потому что клыки удлиннились. Понадобится пять глубоких вдохов, чтобы они вернулись в нормальное состояние.

— Ты в порядке? — Она положила руку мне на плечо.

Я изобразил улыбку и снова повернулся к ней:

— Просто немного волнуюсь из-за сегодняшнего вечера.

— Ладно.

Пока мы шли обратно, она что-то напевала.

Я провел языком по зубам. Я действительно волновался. Но волнение было похоже на страсть, а еще со времен встречи с Катериной я помнил, что ни к чему хорошему страсть не приводит.

21

В сумерках я добрался до дома и обнаружил сидящую на диване Лекси — руки сложены на груди, нога нетерпеливо постукивает по полу. Больше всего она походила на сердитую наседку. Хьюго и Перси, по-кошачьи вытянувшись, лежали на кушетках в другом углу комнаты. Я с большим облегчением отметил, что Бакстона нигде не было. Интересно, сколько времени они меня ждали?

— Вижу, ты решил вернуться. — Лекси хмурилась.

— Да, — согласился я, пряча улыбку.

— И что-то изменилось, — добавила она. Понюхала воздух и свела брови. — Ты не ел. Молодец.

— Привет, — поздоровался я с Хьюго и Перси, не обращая внимания на пристальный взгляд Лекси. Они удивленно посмотрели на меня. Раньше я никогда не делал попыток с ними заговорить.

— Привет, — буркнул Перси, а Хьюго только таращил на меня глаза.

Лекси продолжала изучать меня, уперев руки в бока:

— Рассказывай, Стефан. В этом доме ни у кого нет секретов друг от друга.

— У меня есть план спасения Дамона, — я сам поразился тому, насколько легкомысленно это прозвучало.

— Это же чудесно! — Лекси захлопала в ладоши. — И что же ты собираешься делать?

— Ну, первая часть плана — свидание, — признался я.

— Свидание? — Лекси подняла брови. — С кем?

Я прочистил горло:

— С дочерью Галлахера, Келли.

— У тебя свидание с человеком?! — поразился Перси одновременно с тем, как Лекси выпалила:

— У тебя свидание с Келли Галлахер?!

Я поднял руки, защищаясь:

— Она попросила меня показать ей город сегодня вечером. А во время прогулки я вытяну из нее информацию о Дамоне. Я не могу подчинить ее из-за вербены, но есть и другие способы заставить женщину говорить.

Перси и Хьюго переглянулись. На лицах у них был написан протест.

— На твоём месте я бы этого не делал, — сказал Хьюго. Я удивился. Я не слышал, как он разговаривает, с той самой ночи, как они меня нашли.

— Согласен. Тебе захочется или убить ее, или поцеловать, а ни один из этих вариантов не кончится ничем хорошим, — сказал Перси. Странно было слышать такие слова от хрупкого мальчика с полудетским лицом.

— Они правы, — настойчиво сказала Лекси, — и им тяжело далось это знание. Кто знает, как ты будешь вести себя наедине с этой девушкой, не говоря уж о том, как будет вести себя она. Ты видел ее дом... ее оружие. Я боюсь...

— Да-да. Я слишком молод, я не могу контролировать свои порывы, и я обязательно совершу ошибку, — нетерпеливо прервал я.

Лекси встала и посмотрела на меня:

— Да, все это правда. Ты сильный, но я боюсь, что эмоции возьмут над тобой верх.

— Не возьмут, — возразил я. — Я погуляю с ней, чтобы выяснить, не знает ли она чего-нибудь о Дамоне. Если я хочу спасти его — мирным путем — она — лучший вариант.

Лекси выпятила подбородок, но потом только вздохнула:

— Будь осторожен.

— Ты не можешь идти на свидание в таком виде. — Хьюго тяжело поднялся с кушетки. — Перси, подбери ему что-нибудь посимпатичнее из одежды.

Перси кинул на Лекси умоляющий взгляд. Она скрестила руки:

— Что такое? Ты все слышал?

Перси соскользнул с кушетки и пошел наверх.

— Если ты идешь гулять с леди, ты должен хорошо выглядеть, — резко пояснил Хьюго. — Лекси, тебе нужно сходить с ним за покупками.

— Хорошо. Стефан, идем завтра вечером.

— С чего ты вдруг стал таким заботливым? — подозрительно спросил я у Хьюго.

Хьюго показал в улыбке заостренные зубы:

— Если ты спасешь Дамона с помощью человека, нам не придется вмешиваться. Марш одеваться!

Я закатил глаза, но пошел наверх вслед за Перси. Он протянул мне белую рубашку и черные брюки.

Мне вдруг захотелось новенькой одежды и помады, чтобы зачесать волосы назад. Но я тут же напомнил себе о том, о чем говорила Лекси: сейчас мне нужно лучше узнать Келли Галлахер и выяснить у нее слабые места Патрика Галлахера.

Но хотя я продолжал утверждать, что Дамон — единственная причина, по которой я иду на свидание, я не мог не помнить о том, как закружилась моя голова, когда Келли поцеловала меня в щеку.

22

Я расправил манжеты аккуратно отглаженной рубашки и застегнул куртку. Начищенные бронзовые пуговицы сверкнули в свете фонаря, когда я свернул на Лорел-стрит.

Я потер лицо, чтобы убедиться, что на губах не осталось крови. Перед вечерним свиданием с Келли я наведалься к барменше из «Дамочек», чтобы немного утолить голод.

Кровь у нее была сладкая, как мед. Как только теплая жидкость коснулась языка, все чувства обострились, а мир вокруг стал четче.

Звенели цикады, я чувствовал запах роз, но желудок не сжимался от голода. Я был готов к свиданию. В парке в конце улицы росли магнолии и старые вязы, а в центре был мраморный фонтан, украшенный фигурой обнаженной женщины. Сквозь журчание фонтана я слышал стук человеческого сердца.

— Эй! — позвал я.

— Стефан! — Келли выступила из-за каменного ангелочка в слабое пятно газового света. Рыжие волосы, горящие в мерцающем освещении, свободно рассыпались по плечам. На ней было простое кремовое платье с кружевным корсажем; узкие бедра драпировала юбка в оборках.

Кровь быстрее побежала по моим жилам.

— Что? — Келли покраснела, заметив мой взгляд.

— Ты выглядишь... ну... как девушка.

Она была прекрасна.

— Здорово, спасибо. — Келли закатила глаза и ткнула меня в плечо. — Ты просто привык видеть меня в рабочей одежде. Но ты тоже хорошо выглядишь.

Я прочистил горло и оттянул воротничок. Одежда внезапно стала неудобной, а ночной воздух перестал проникать в легкие. На мгновение я подумал, что реагирую таким образом на какое-то вещество в крови барменши.

— Спасибо, — вежливо сказал я.

— Стефан? — Келли приподняла руку.

— Ой, извини. — Я взял ее руку в свою. Ее покрытая веснушками рука коснулась моей ладони. Я вздрогнул и перехватил ее под руку.

— Куда прикажете, мисс Галлахер?

Она посмотрела на меня с улыбкой:

— Бурбон-стрит, разумеется.

Келли вела меня по мощеным переулкам, где с балконов домов свешивались гардении. Повинуясь порыву, я сорвал одну и заложил ей за ухо. В Мистик-Фоллз было принято приносить дамам цветы или небольшие сувениры.

— Хочешь, открою тебе секрет? — прошептала Келли.

— Какой? — с любопытством спросил я. Я уже знал много секретов, но этот, может быть, приведет меня к Дамону...

Она встала на цыпочки и приложила руку к моему уху. Звук крови, текущей под кожей, стал сильнее вдесятеро. Я сжал губы, заставляя клыки спрятаться обратно.

— У тебя рубашка не заправлена.

— Спасибо, — смутился я, заправляя рубашку.

Келли засмеялась:

— Знаешь, что я по-настоящему хочу посмотреть? — Она взяла меня за руку.

— Что? — Все силы уходило на то, чтобы не слушать движение крови в ее венах.

— Бурлеск. У мадам Икс такое шоу, о котором все говорят.

Мы прошли по городу, минуя шумные толпы и повозки, и, наконец, добрались до аккуратного квартала, за которым высилось старинное величественное здание. Простая табличка у двери извещала черными буквами, что здесь обитает мадам Икс. Из всех окон пился мягкий свет, а к воротам один за другим подкатывали экипажи, высаживая хорошо одетых пассажиров.

Я запаниковал. У меня не было денег. А еще на мне была школьная форма, вышедшая из моды в начале века.

— Келли, думаю... — начал я, пытаюсь придумать другой способ провести вечер, но тут дверь перед нами распахнулась.

— Добрый вечер. Вы гости? — Открывший дверь обозрел мой старомодный наряд. Я был категорически неподходяще одет и знал это. А вот Келли выглядела ослепительно.

— Да, — Келли расправила плечи.

— Извольте назвать свои имена.

Судя по тому, как сжались губы Келли, она не знала о наличии списка гостей. Я выступил вперед, озаренный внезапным вдохновением:

— Мы супруги Пикар. Реми и Каллиопа.

— Одну минуту, сэр. — Он прошаркал к пюпитру, в лежащем на котором списке почти наверняка не было мистера Реми Пикара. Он перевернул страницу, потом снова посмотрел на первую.

— Стефан, что ты делаешь? — прошептала Келли.

— Все под контролем. Просто улыбайся.

Дворецкий вернулся. Выглядел он искренне обеспокоенным.

— Прошу прощения, сэр, но вашего имени нет в сегодняшнем списке. — Он огляделся, будто готовый позвать охрану, если мы вздумаем скандалить.

«Я хочу, чтобы ты пропустил нас и не задавал больше вопросов», — подумал я, направляя на него всю энергию.

— Мы все-таки хотим войти, — заявил я, смотря ему прямо в глаза и игнорируя сверливший мне спину взгляд Келли, — вы уверены, что наших имен нет в списке?

«Пусти нас, не заглядывая в список».

— Знаете, думаю, я мог их видеть. Нет, точно видел. Как же, Пикары! Прошу простить. Это была моя ошибка. Проходите, пожалуйста. — Выражение лица у него было несколько безжизненное. Через большие двойные двери он пропустил нас в роскошный холл. Сверкали хрустальные люстры, пахло жасмином, магнолиями и фрезиями. — Добро пожаловать к мадам Икс. Если вам понадобится помощь, обратитесь ко мне.

— Спасибо, — поблагодарил я.

Келли стояла рядом, растерянно глядя на меня:

— Как ты это сделал?

Я пожал плечами:

— Я просто заставил его усомниться. Он не хотел отказывать Пикарам, кто бы они ни были. Представляешь, если бы наши имена были в списке, а он бы нас не пустил? Мы бы пожаловались его хозяйке.

Честно говоря, мне было страшно. Моя Сила росла.

— Значит, это не первый раз, когда ты куда-то проникаешь незаконно?

— Тебе ли не знать, что это так? — усмехнулся я.

Она рассмеялась, и я внезапно закрутил ее под рукой в танцевальном па. На нас уставились. Хотя в углу и сидел пианист, наигрывавший бойкую мелодию, никто не танцевал. Гости собирались кучками, беседовали, посасывали сигары и пили шампанское.

— Ты здесь кого-нибудь знаешь? — спросил я, пока мы шли мимо роскошно одетых пар.

Келли, нахмурившись, пожала плечами, оглядела комнату и выпятила подбородок:

— Они все ненавидят моего отца. Они считают его сторонником Союза, использующим Новый Орлеан в своих целях. Может, это и так, но, по крайней мере, он не строит из себя ничего другого.

Я поерзал в кресле. Разве не этим занимался я сам? Не строил из себя того, кем никак не являюсь? Мне не хотелось на нее смотреть, чтобы она не поняла по глазам, что я лгу.

Мимо прошел слуга с подносом шампанского. Я взял два бокала и передал один Келли:

— Твое здоровье.

Мы медленно пили искрящуюся жидкость, а разговоры вокруг становились все громче и оживленнее с каждым подносом напитков, который выносили слуги. Мужчины начинали двигаться медленнее, женщины охотнее смеялись.

— Твой отец готов к следующему представлению? — Я пытался говорить непринужденно.

— Думаю, да.

— И с кем будет сражаться вампир?

— Не знаю. С крокодилом. Или тигром. Зависит от того, кого папа сможет найти быстрее. А зачем тебе?

— Хочу сделать ставку, — уклончиво ответил я.

— Папа хочет подобрать кого-нибудь подешевле. Он боится, что люди не раскошелятся, чтобы посмотреть на еще одно животное. Понятно же, что вампир намного сильнее.

— А — я попытался обработать всю информацию.

— Давай не будем говорить о работе. Сегодня нужно веселиться! Видит бог, у нас в жизни веселья немного. — Келли погрустнела. — Кстати, о веселье, — она указала на группку людей, проходящих через двойные двери в дальнем конце клуба, — думаю, шоу там.

— Пойдем? — Я подал ей руку.

В задней, меньшей, комнате теснилось множество столов. У стены высилась сцена, тускло освещенная свечами. Мы с Келли не стали лезть в толпу перед сценой, а сели на низкую, обитую красным бархатом скамейку, стоявшую под большим зеркалом.

Когда все заняли свои места, на сцену вышел распорядитель. Это оказался человек в обычном костюме и плаще. А я-то воображал, что увижу что-то громкое, масштабное, что будет много бравурной музыки и полуодетых женщин.

— Добрый вечер! — объявил он. — Как все уже слышали, среди нас вампир.

Зрители нервно захихикали. Я искоса взглянул на Келли. Это ловушка? Она знает, кто я? Но Келли подалась вперед, замороженная словами распорядителя.

Тот улыбнулся, наслаждаясь повисшим в комнате напряжением:

— Да, вампир. Как в дешевом цирке у озера.

Публика засмеялась. Келли не преувеличивала, говоря, что ее отец непопулярен в городе. Я посмотрел на нее. Щеки у нее пылали так же, как и волосы, но она смотрела прямо на сцену, упершись локтями в колени.

— Свидетели утверждают, что Галлахеру пришлось заковать своего вампира в цепи, чтобы он не убежал. Но к мадам Икс вампир пришел с визитом сам!

— Можем уйти, если хочешь, — прошептал я.

Келли покачала головой и сжала мою руку. Ладонь у нее была намного теплее моей ледяной кожи, но на этот раз я не оттолкнул ее.

— Нет, я хочу остаться.

На сцену вышел тощий малый, закутанный в черный плащ. Лицо у него было густо напудрено, а от углов губ тянулись нарисованные следы крови. Он улыбнулся толпе, обнажив фальшивые клыки. Я заерзал.

— Я вампир, а вы — моя добыча. Идите ко мне, милые мои, — осклабился он. От его интонаций меня передернуло. «Вампир» прошелся по сцене, скаля зубы и наблюдая за публикой. Женщина в отделанном жемчугом платье встала из-за столика и поднялась на сцену, как будто в трансе, на каждом шагу испуская тихие стоны.

— Глаза вампира видят сквозь одежду! И ему, леди и джентльмены, нравится открывшееся зрелище! — Распорядитель жадно покосился на зрителей, которые в ответ зааплодировали.

Я снова посмотрел на Келли. Знала ли она, что это шоу посвящено вампирам?

— Вампир голоден! И вы не представляете, что он сделает, чтобы утолить этот голод!

Жестом, напоминающим дирижера, вампир простер к женщине руки. По этому сигналу трубач заиграл медленную траурную мелодию. Женщина начала двигать бедрами, сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее, пока не стало казаться, что она сейчас упадет.

— Может быть, папа заставит нашего вампира брать уроки танцев. — Дыхание Келли обожгло мне щеку.

Внезапно вампир перестал размахивать руками. Музыка затихла, женщина остановилась. Вампир враскачку подошел к ней и рванул рукав платья, обнажив

молочно-белую кожу.

— Как вы себя чувствуете? Мерзко? — Вампир помахал рукавом в сторону публики, а потом оторвал и другой рукав. У меня сжался желудок.

— Я спрашиваю, как вы себя чувствуете? — Он швырнул ткань в зал.

Толпа завопила, когда танцовщица продолжила свои движения, почти касаясь «вампира» спиной. Она медленно снимала с себя одежду, бросая в публику то шелковый чулок, то комбинацию, пока большая часть ее тела не оказалась открыта для обозрения.

По мере того как музыканты увеличивали темп, женщина разделась практически полностью. Наконец, она уселась на стоявший на сцене стул, и распорядитель сорвал с нее последний клочок ткани, заставив прикрыться ладонями.

— Есть только один способ остановить адскую тварь — вбить кол в сердце. Но вампира можно удержать на расстоянии еще и распятием...

Танцовщица изобразила не увенчавшийся успехом поиск кола или распятия по карманам. Я сжался, вспоминая свои собственные нападения. Элис, Лавиния, сиделка, имени которой я так и не узнал... В этом не было ничего красивого или романтического. Нападения были быстрыми, кровавыми, смертельными. Я жестоко и зло, не задумываясь ни на секунду, обрывал их жизни, мечтая о большем.

— Ты в порядке? — спросила Келли.

Я понял, насколько сильно сжимаю ее руку. Стоило мне отпустить ее, как Келли придвинулась ближе ко мне. Пульсация ее крови показалась мне музыкой, а тепло ее тела погасило гнев. Я отдыхал рядом с ней, купался в нежных звуках ее голоса и смеха. Она была теплая, мягкая и живая. Я хотел бы остановить это мгновение, провести так вечность — только я, Келли и биение ее сердца. Больше мне ничего не нужно было в этот момент, ни крови, ни могущества, ни Да... я напрягся и сел прямо. Что я делаю? Я так быстро забыл брата и то, что с ним сделал? Я встал.

— Эй, впереди, сядь! — гаркнул кто-то, сидевший на несколько рядов сзади.

— П...прости, мне надо уйти. — Я начал пробираться к двери.

— Стефан, подожди!

Но я выбрался на улицу и бежал до самой реки. Когда я уставился на свое отражение в бурлящей воде, в ушах эхом отдались слова Перси: «Тебе захочется или убить ее, или поцеловать, а ни один из этих вариантов не кончится ничем хорошим».

Он был прав. Я не знал точно, хочу ли я поцеловать Келли или укусить, но я точно хотел ее.

23

9 октября 1864 года

Считается, что у меня нет сердца. Три недели назад сквозь него прошла пуля, и оно больше никогда не будет качать мою собственную кровь. Кровь, текущая теперь в моих венах, принадлежит тем, кого я убил. Но Келли заставляет мое мертвое сердце трепетать, а ворованную кровь — бежать быстрее.

Это реальность? Или просто память о былом? Дамон как-то рассказывал мне, что на войне парни, которые пережили ампутацию, просыпались из-за дикой боли в несуществующих больше руках или ногах. У них были фантомные конечности, а у меня, выходит, фантомное сердце.

За то короткое время, что я провел в Новом Орлеане, я много узнал о своей Силе. Она ведет меня, она кормит меня, она делает меня вампиром. Но это — не единственная сила, которой я обладаю. Другая моя сила не такая интересная, не страшная и не опасная. Она земная, простая и скучная: это — способность контролировать мою Силу. Мне пришлось научиться подавлять страсти, чтобы остаться с Лекси.

Но когда я вместе с Келли смотрел представление, эти две силы столкнулись, угрожая уничтожить друг друга в битве, происходившей в моем разуме.

Она постоянно занимает мои мысли. Созвездие веснушек на коже. Длинные ресницы. Яркая улыбка. Я восхищаюсь тем, как она использует собственную силу. Как командует работниками своего отца и сохраняет их уважение, и какой нежной становится рядом со мной, как прижимается ко мне, если думает, что никто не видит.

Я думаю о том, как мои пальцы переплетаются с ее пальцами.

И каждый раз, когда образ Келли возникает в моем сознании, я проклинаю себя. Я должен быть сильнее этого. Я должен выбросить ее из головы, воспринимать ее как глупую маленькую девочку, которой очень повезло уже потому, что я сохранил ей жизнь. Но в глубине души я знаю, что несмотря на мою Силу, Келли имеет надо мной власть. Надо мной — и над моим фантомным сердцем.

На следующее утро я вернулся в цирк уродов, думая только об одном: я должен освободить Дамона.

— Привет! — поздоровался силач Арнольд, когда я прошел в ворота.

— Привет, — пробормотал я.

Татуированная женщина, обнаружившаяся у него за спиной, насмешливо посмотрела на меня. Без рисунков тушью она оказалась красивой. У нее были высокие скулы и широко расставленные любопытные глаза:

— Что ты здесь делаешь?

Я что-то буркнул.

— Хочешь извиниться перед Келли? — Она махнула рукой в сторону шатра.

Значит, Келли уже рассказала друзьям о том, как ужасно прошел вечер. Именно этого я и боялся. Я шел по цирку, пока не увидел Келли, склонившуюся над лежавшей на земле березовой доской. Она была вся забрызгана краской, а узел рыжих волос удерживала на макушке длинная тонкая кисть. Вывеска гласила:

ПЕННИ ЗА ВЗГЛЯД. ЖИВОЙ ГОЛОДНЫЙ ВАМПИР. ЗАЙДИ, ЕСЛИ ОСМЕЛИШЬСЯ.

Ниже красовалось грубое изображение вампира: длинные клыки, прищуренные глаза, кровь, стекающая из углов губ. Черты лица принадлежали Дамону, но источником вдохновения для Келли наверняка послужил вчерашний вампир.

Келли посмотрела вверх, поймав мой взгляд. Раскрыла рот и уронила кисточку на холст. На лице Дамона появилось черное пятно.

— Посмотри, что из-за тебя случилось, — сердито сказала она.

Я спрятал руки в карманы и втянул воздух, ища следы Дамона:

— Извини.

Келли вздохнула.

— Мне не нужны твои извинения. Просто уйди и дай мне закончить работу.

— Хочешь, я помогу тебе исправить рисунок? — Слова вылетели раньше, чем я успел это осознать, и повисли в воздухе. Мое предложение явно удивило нас обоих.

— Исправить рисунок? — повторила Келли, уперев руки в бедра. — Я тебя правильно расслышала? Исправить рисунок?

— Д-да, — промямлил я.

— Ты понимаешь, что вчера ночью ты бросил меня одну, ничего не объяснив? — Она выпятила подбородок и говорила очень агрессивно, но нижняя губа у нее дрожала, выдавая волнение и обиду.

— Келли, — начал я, прокручивая в голове варианты объяснений. Я работаю на твоего отца. Нам нельзя быть рядом. Ты простая девушка, а я вампир... С одной стороны, я ненавижу Келли за то, что ее отец выставляет Дамона напоказ, как какое-нибудь животное, и заставляет драться — может быть, и до смерти, но с другой стороны — я знал, что она имеет на своего отца не больше влияния, чем я когда-то имел на своего. А сейчас я и вовсе мог думать только о том, чтобы ее губы перестали дрожать.

— Так было нужно. — Я вертел кольцо на пальце.

Она с силой воткнула кисть деревянным концом в землю. Та осталась стоять, как крохотный белый флаг после битвы.

— Не надо объяснений. Мы знакомы всего неделю. Ты не должен мне ничего объяснять. Это самое лучшее в чужаках: никто никому ничего не должен, — сказала она твердо.

Повисла тишина. Перед глазами стоял образ Дамона, высмеивавшего мое бездействие.

— Не пора ли тебе приняться за работу? Или мы платим тебе за то, чтобы ты тут стоял?

Не успел я развернуться, как из маленькой черной палатки на краю площади появился Джаспер.

— Нам нужен помощник!

За ним маячил долговязый парень, баюкавший больную руку.

Келли поднялась на ноги:

— Что случилось?

Парень вытянул руку, и с нее закапала кровь. Я поспешно отвел глаза, но все равно десна пронзила боль — клыки начали расти.

— Сегодняшняя драка с вампиром. Нужны еще люди, — с трудом выдохнул Джаспер и вдруг посмотрел на меня.

— Стефан, — в тоне Келли не было вопроса.

Джаспер и его напарник уставились на меня.

— Отлично, новенький, давай сюда, докажи, что ты достоин работать у Галлахера, — Джаспер дернул подбородком в сторону палатки.

— Конечно, — медленно сказал я. У меня появился план. Я слышал, как в палатке бьются четыре сердца. Наверняка там огромное количество вербены, но в последнее время я регулярно ел и смогу одолеть людей. С четырьмя я справлюсь, а вот с пятью... Я повернулся к Джасперу:

— Почему бы вам с Келли не позаботиться об этом парне? А я пойду в палатку, помогать, — и добавил как можно тише: — Брат, я иду.

Келли прищурилась:

— Ты что-то сказал?

— Нет, — поспешно ответил я.

Джаспер переступил с ноги на ногу и смерил меня взглядом:

— Келли присмотрит за Чарли, а я присмотрю за тобой. Научу тебя укрощать чудовищ. — Он подтолкнул меня к палатке.

С каждым шагом запах вербены становился сильнее, кровь стыла в жилах. Мы вошли в палатку. Там было темно и жарко, а запах вербены просто душил меня. Вся, до капли, Сила уходила на то, чтобы не сжаться и не закричать от боли. Я заставил себя открыть глаза и увидел в углу закованного в цепи брата. Четыре человека висели на цепях, отчаянно пытались удержать его на месте.

Когда Дамон увидел меня, его лицо просветлело.

— Добро пожаловать в ад, — прошептал он, почти не двигая губами и глядя на меня. Потом повернулся к Джасперу и сказал светски, будто болтал с приятелем в трактире: — Нашел себе новую жертву, чтобы переложить на нее грязную работу? Ну давай, иди сюда, братишка. Посмотрим, справишься ли ты со мной.

— Его вопли еще хуже его укусов. — Джаспер протянул мне кол. По запаху я догадался, что он тоже вымочен в вербене.

— Дай мне перчатки, — велел я, вложив в голос немного Силы. Прикосновение к дереву убило бы меня на месте.

— Они тебя не защитят. Он может прокусить что угодно, — возразил Джаспер.

— Просто дай мне перчатки, — повторил я сквозь стиснутые зубы. Дамон с интересом следил за разговором, явно наслаждаясь затруднительным положением, в которое я попал.

— Ну, если тебе так удобнее. — Джаспер пожал плечами и протянул мне кожаные перчатки. Я надел их и взял кол. Руки немного дрожали. Как такая ерунда может быть такой

смертоносной?

Дамон усмехнулся:

— Получше вы никого не нашли? Он же сейчас в обморок упадет.

Я посмотрел на брата:

— Я пытаюсь спасти тебя.

Дамон только презрительно фыркнул.

— Пожалуйста, — добавил я.

— Что «пожалуйста»? — Он наматывал цепь на ладонь.

— Позволь мне тебя спасти.

— Прости, ничем не могу помочь. — Он рванул цепи. Двое охранников рухнули на землю.

— Сделай что-нибудь! — рявкнул Джаспер. — Ткни его, пусть он знает свое место.

— Слушай хозяйина, — осклабился Дамон, — поступай как человек, ударь меня. Люди ведь не боятся крови?

— Джаспер наклонился и подобрал с пола кол:

— Давай, парень. Ты деньги получаешь. — Он слегка ткнул меня в спину тупым концом кола. Я вскрикнул. Боль ожгла кожу, как будто меня приложили раскаленной кочергой.

Дамон рассмеялся.

Неожиданно Келли откинула полог и сунула голову в палатку.

Я затравленно оглянулся на нее:

— Келли, тебе нельзя здесь находиться!

И она, и Дамон смотрели на меня с большим интересом. А я чувствовал противную слабость. Вербена. Жара. Коля...

И тут Дамон просто-напросто вывернулся из цепей и бросился на Келли. Она закричала, Джаспер дернулся прикрыть ее.

Казалось, время остановилось. Ни секунды не думая, я вонзил кол в живот Дамону. Он рухнул на спину. Из раны лилась кровь.

— Я сказал, пожалуйста, — прошептал я так, чтобы услышал только Дамон. Келли сжалась рядом со входом в палатку и переводила расширившиеся глаза с меня на Дамона.

Дамон захрипел, вытаскивая кол из живота. Потом я услышал слабый сиплый шепот — услышал сквозь крики Джаспера и охранников, которые пытались заковать Дамона обратно.

— Тогда, пожалуйста, пойми, брат, что твой ад даже еще не начинался.

24

Я сбежал к озеру. Звук, с которым кол прорвал плоть Дамона, до сих пор отдавался в ушах. Добравшись до берега, я уставился на свое отражение. Из воды на меня смотрели карие глаза, губы были сжаты в тонкую линию. Рыкнув, я швырнул в воду камень, разбивший отражение на сотню крошечных капель.

Захотелось прыгнуть в воду, переплыть на другую сторону и больше никогда не возвращаться. Дамон может провалиться ко всем чертям, если он так мечтает о смерти. Но как бы я ни хотел его смерти, убить его я не мог. Помимо всего прочего, мы братья, и я хотел — должен был — сделать все возможное для его спасения. В конце концов, кровь — не вода. Я горько рассмеялся, подумав о глубинном значении этой метафоры. Кровь гораздо сложнее, гораздо разрушительнее и гораздо опаснее воды.

Я бросился в грязный песок у края воды и лег, подставившись тусклому ноябрьскому солнцу. Не знаю, сколько я так лежал, пока не почувствовал чьи-то шаги, приглушенные песком.

Я вздохнул. Не знаю, что я надеялся найти у озера, но усевшаяся рядом Келли моментально нарушила подобие мира и покоя в моей душе.

— Все хорошо? — Она бросила в воду маленький камешек, не поворачиваясь ко мне

лицом.

— Я... можно я побуду один? Пожалуйста.

— Нет.

Я сел и посмотрел ей прямо в лицо:

— Почему?

Келли сжала губы и наморщила лоб, как будто размышляла над очень сложной проблемой. Потом нерешительно протянула руку и провела изящным пальчиком по моему лазуритовому кольцу.

— У вампира такое же.

Я в ужасе отдернул руку. Как я мог забыть о кольцах?

Келли прочистила горло:

— Этот вампир... он твой брат?

Кровь застыла в жилах. Я вскочил на ноги.

— Стефан! Стой! — Зеленые глаза Келли расширились, щеки пылали. — Пожалуйста. Останься. Я знаю, кто ты, но не боюсь.

Я отступил на шаг, тяжело дыша. Мысли смешались, меня тошнило:

— Как ты можешь не бояться, зная, кто я?

— Ты не чудовище, — просто сказала она, тоже поднимаясь на ноги.

Какое-то мгновение мы стояли, ничего не говоря. Над озером пролетела утка. Где-то в отдалении заржала лошадь. Я почувствовал запах хвои и обратил внимание на то, что Келли вынула из волос вербену.

— Почему ты так говоришь? Мне хватит секунды, чтобы убить тебя.

— Я знаю, — она посмотрела мне в глаза, как будто что-то ища. Душу, например. — Почему тогда не убил? Почему сейчас не убьешь?

— Потому что ты мне нравишься, — сказал я, сам удивляясь своим словам.

По ее губам пробежала улыбка:

— Ты мне тоже нравишься.

— Ты уверена? — Я взял ее руки в свои, и она немного подалась назад. — Когда я к тебе прикасаюсь, ты ведь не знаешь, хочу ли я поцеловать тебя или... или...

— Поцелуй меня, — прошептала она, — не думай о других вариантах.

— Не могу. Я не смогу остановиться.

Келли придвинулась ближе:

— Ты ведь меня спас. Когда твой... брат кинулся на меня, ты ткнул его колом. Собственного брата. Ради меня.

— В живот, а не в сердце, — заметил я.

— Все равно, — она положила руку мне на грудь, как раз напротив сердца.

Я замер, пытаюсь не вдыхать ее запах.

Прежде чем я успел что-то сделать, она вытащила из кармана иглу и проткнула себе указательный палец. Я застыл.

Кровь.

Капля крови, как рубин, повисла на пальце.

Господи, кровь Келли. От нее пахло кедром и вином. На лбу выступил пот, стало тяжело дышать, все чувства обострились. Показались клыки. В глазах Келли мелькнул страх.

И в этот момент клыки втянулись. Я отшатнулся назад, задышавшись.

— Ты не чудовище, — твердо сказала она, — не такой, как он.

Порыв ветра взъерошил волосы Келли. Она вздрогнула, и я притянул ее ближе.

— Может быть, — прошептал я ей в ухо, упиваясь ее горячим запахом. Мои губы были всего в нескольких дюймах от ее шеи. Я не смогу рассказать ей, сколько жизней я отнял, рассказать, что Дамон считает чудовищем меня.

— Он мой брат. Это я виноват в том, что он здесь.

— Хочешь, я помогу тебе освободить его? — Она, кажется, знала, что наш разговор придет к этому.

— Да.

Келли закусил губу и начала наматывать на палец прядку волос.

— Но ты не обязана этого делать. — Я не смотрел ей в глаза и поэтому точно не мог неосознанно подчинить ее себе.

Она внимательно посмотрела на меня, как будто мое лицо было головоломкой, которую она могла разгадать.

— Через два дня. Встретимся в полночь, когда Дамона будут перевозить к нам на чердак.

— Ты уверена?

— Да.

— Спасибо. — Я взял ее лицо в ладони и наклонился, соприкоснувшись с ней лбами. А потом я ее поцеловал.

Мы стояли, переплетая пальцы, и я мог бы поклясться, что мое сердце ожило и бьется в такт с ее сердцем.

25

Когда я вернулся в дом вампиров, луна стояла высоко. Лекси, закрыв глаза, раскинулась на диване и слушала, как Хьюго играет на рояле. Рояль был расстроен, и бравурный марш звучал скорее как траурная месса. С этим я ничего не мог поделать, но я поднял Лекси с дивана и закружил в импровизированном танце.

— Ты припозднился, — Лекси вывернулась у меня из-под руки, — или ты был на очередном свидании?

— Или убивал людей? — спросил Бакстон, входя в комнату.

— Ты влюбился? — поинтересовался Перси, кладя локти на стол и завистливо глядя на меня из угла, где он раскладывал пасьянс. Перси любил женщин, но выглядел лет на пятнадцать, и те дамы, что нравились ему больше всего, зачастую принимали Лекси за его мать. Какое счастье, что я стал вампиром в своем нынешнем возрасте.

— Я не влюбился, — кажется, в первую очередь я пытался убедить в этом сам себя. — Но я погружаюсь в жизнь цирка уродов. Кажется, я начинаю любить Новый Орлеан.

— Отличная новость, — ехидно сказал Бакстон.

— Бакстон, — Лекси укоризненно поглядела на него, прежде чем снова повернуться ко мне. — Ты помнишь наши планы?

Я напряг память, но в конце концов вынужден был признаться, что забыл. Лекси вздохнула:

— Вспоминай. Мы идем за покупками. Я могу быть вампиром, но я все равно женщина, и я не хочу, чтобы меня окружали мужчины в плохо сидящих костюмах. Что подумают соседи? — Она засмеялась собственной шутке.

— Точно, — я попытался пройти к лестнице, — может, перенесем на завтра? Я совсем выдохся.

— Стефан, я серьезно, — Лекси взяла меня за руку, — тебе нужна одежда. Это своего рода традиция. Я подбирала одежду этим двум джентльменам, и посмотри на них теперь, — она кивнула в сторону Бакстона и Хьюго, будто приглашая полюбоваться своей работой. И правда. Они действительно были отлично одеты с ног до головы, от надетой на Бакстона синей куртки с высоким воротником до великолепно сшитых бриджей Хьюго.

— Кроме того, у тебя нет выбора, — задорно сказала она.

— Нет?

— Нет. — Лекси распахнула дверь. — Мальчики, мы ушли. Вернемся — вы даже не узнаете Стефана, такой он будет красивый.

— Пока, красавчик, — злобно крикнул вслед Бакстон. Лекси покачала головой, а я не обратил внимания. Я как-то привык к Бакстону. Он стал мне своего рода братом. Братом, который может быть очень вспыльчивым, но с которым я умею справляться.

Мы с Лекси шли по прохладной ночной улице. Я заметил, что она искоса смотрит на меня, и задумался над тем, что же она могла увидеть.

Мне казалось, что я живу сразу тремя отдельными друг от друга жизнями: в одной я был верным братом, в другой — новым членом клуба, все правила которого я никак не мог понять, а в третьей — молодым человеком, доверившимся человеческой женщине — женщине, которой я позволил спасти свою плоть и кровь. Проблема была в том, что я даже не подозревал, как соединить эти три жизни.

— Ты какой-то тихий, — сказала Лекси на ходу, — и, — она втянула воздух, — ты не пил человеческой крови. Я тобой горжусь.

— Спасибо, — пробормотал я. Я знал, что если бы она узнала о разговоре, который произошел у нас с Келли, то не стала бы гордиться.

Она бы сказала, что я оказался слишком импульсивным и простодушным, что я сделал огромную ошибку, открывшись Келли. Хотя я ничего ей не говорил, а просто подтвердил ее подозрения.

— Пришли. — Лекси остановилась у одной из деревянных дверей без вывески на Дофин-стрит. Вытащив из кармана металлический крючок, она вставила его в замок. Через мгновение замок щелкнул, открываясь.

— Магазин открыт. — Лекси раскинула руки и присела на жесткий кожаный диванчик. — Выбирай.

В магазине стоял десяток манекенов с набитыми ватой туловищами. Манекен в твидовом пиджаке на что-то показывал, манекен в бескозырке смотрел из-под руки вдаль, словно вглядываясь в горизонт. У задней стены стояли рулоны тканей, ряды пуговиц сверкали под стеклом. Готовые рубашки несли молчаливую вахту в темном зале, из ящика высовывались галстуки.

Лекси скрестила ноги под юбкой и посмотрела на меня. Когда я стащил с манекена жакет из верблюжьей шерсти и накинул на плечи, в ее глазах мелькнула гордость.

Я стоял, ожидая одобрения, как всегда делал, когда ходил по магазинам с матерью.

— Я ничего не могу сказать, когда ты стоишь тут, как манекен. Пройдись немного. Тебе нравится? — Лекси нетерпеливо махнула рукой.

Я закатил глаза, но прошелся по комнате, подражая мужчине, которого мы с Келли видели у мадам Икс. Подал Лекси руку и спросил с сильным британским акцентом:

— Потанцуем?

Лекси покачала головой, но в ее глазах я заметил изумление.

— Хорошо, я поняла. Это немного слишком нарядно. Как насчет этого? — Она указала на манекен в черных брюках и серой куртке с красным кантом. Я снял жакет и натянул куртку.

Обозрев меня, Лекси задумчиво кивнула.

— О чем ты думаешь? — спросил я.

— О брате.

Я вспомнил мальчика с портрета. Глаза у него были такие же, как у Лекси:

— А что с ним?

Лекси подцепила шелковый галстук и вертела его в пальцах. На меня она не смотрела.

— Когда наши родители умерли, я стала иногда встречаться с юношей, который оказался вампиром. Он спросил, не хочу ли я жить вечно. Конечно, я согласилась — я была молода, а кому не захочется вечно быть молодым и прекрасным? Я ни в коем случае не собиралась бросать Колина. Он столько всего потерял! Ему нужна была хотя бы уверенность, что никогда не потеряет меня.

— Колин стал вампиром?

Лекси протянула галстук между пальцами и взмахнула им, как хлыстом:

— Я никогда не кусала тех, кого люблю.

Мелькнуло воспоминание о том, как я заставлял Дамона пить кровь Элис, официантки из Мистик-Фоллз. Я опустил глаза, чтобы Лекси не почувствовала, что я сделал с тем, кого

люблю.

— А что случилось?

— Начались подозрения. Я не знала, что надо быть очень осторожной. Брат рос, а я оставалась прежней. Люди удивлялись. А потом наш дом подожгли. Смешно, но я сбежала, а Колин не смог. А ведь он был ни в чем не виноват. Ему было только шестнадцать.

— Прости... — Я пытался представить Лекси в ее бытность человеком, опирающуюся на руку мужчины, обещавшего ей весь мир, как Катерина обещала весь мир мне. Я вообразил, как он уводит ее в темную аллею, и пьет совсем немного крови, и просит ее выпить его кровь, а потом бьет ее ножом в сердце, чтобы довершить преобразование.

Лекси махнула рукой, будто стирая образ юной девушки:

— Не извиняйся. Это было больше ста лет назад. Он бы в любом случае уже умер. — Она оценивающе посмотрела на меня. — Эта куртка лучше.

— Спасибо. — Внезапно воспоминания о разговоре с Келли легли на мои плечи, словно тяжкий груз.

— У меня есть план спасения Дамона, — выдохнул я.

Лекси вскинула голову, ее глаза горели:

— Что?

— Завтра вечером. Келли мне поможет. — Я встретил взгляд Лекси. — Дамона перевозят на Лорел-стрит. Ее отец уйдет играть в карты, и мы освободим Дамона.

— Ты рассказал Келли, кто ты? — спросила она тихо и зловеще.

Я закусил губу:

— Нет.

— Стефан!

— Она сама догадалась, — примиряющим тоном сказал я, — а я ей верю.

— Верись! — выплонула Лекси. Она вскочила так резко, что диванчик опрокинулся. — Ты не знаешь, что это значит! Келли — дочь Патрика Галлахера, который заставлял твоего брата драться с пумой. Откуда ты знаешь, что у них нет какого-нибудь хитрого плана, чтобы схватить и тебя?

— Ты думаешь, я совсем дурак? — Я подступил ближе к Лекси. — Я молод, но у меня хорошая интуиция.

Лекси фыркнула:

— Это та же интуиция, которая привела тебя в лавку мясника к трем вампирам? Которая заставила тебя убить женщину в поезде?

— Но я же до сих пор жив.

— Только благодаря мне! И мальчикам. Но я не позволю тебе втянуть нас во вражду с Патриком Галлахером.

— Никто тебя никуда не втягивает, — завопил я, — я не дам своему брату умереть только потому, что ты когда-то так поступила! Я многим ему обязан!

— Неблагодарный мальчишка! — Она отшвырнула меня прямо в зеркало в золотой раме. Я упал, а за мной посыпались осколки стекла. Большой обломок сильно поцарапал мне руку, но я почти не заметил этого, настолько меня поразила сила Лекси. Я уже видел эту силу, но вот ощущать ее на себе мне до сих пор не доводилось.

Лекси возвышалась надо мной, сверкая глазами.

— Тебе надо запомнить свое место. Как можно быстрее. Ты вампир. Вампиры не водят компанию с людьми.

Я поднялся на ноги и оттолкнул ее. Она пролетела через весь магазин и упала на рулоны ткани.

— Я — вожу, если это поможет спасти Дамона.

Вслед за этим я вышел из магазина в черную ночь.

Я снова провел ночь у озера. На этот раз я не спал, а сидел на берегу и слушал ночные звуки, воображая, что я на концерте. Мелодично квакали лягушки, надувая горло. Рыбы всплывали на поверхность, чтобы поживиться низко летящим жуком, а потом снова с мягким всплеском ныряли в воду. В небе пролетали косяки птиц, мелкие зверьки шуршали в камышах, гоняясь друг за другом, чтобы пообедать.

А потом случилась восхитительная кода — солнце, огромный бледный шар, заняло свое место в небесах, как полновластный господин Земли.

Я сидел, наблюдая за солнцем, которое могло бы мгновенно убить меня, если бы не кольцо Катерины, и чувствовал бесконечное спокойствие. Мир был хорош и чудесен, а мне повезло жить в нем.

Подобрав идеально круглый и плоский камень, я встал и посмотрел на воду. Потом закрыл глаза. Если он отскочит четыре раза, все будет хорошо. Я бросил камень. Один раз... два... три...

— Четыре! Здорово! — раздался веселый голос, сопровождаемый аплодисментами.

Я повернулся и поймал Келли.

— Доброе утро! — рассмеялся я.

— Ты в хорошем настроении, — улыбнулась она.

— Да. Благодаря тебе.

Она взяла меня под руку:

— Тогда я знаю, как ты можешь отблагодарить меня.

Сквозь ткань куртки я чувствовал, как бьется ее сердце. Ее кровь пахла невыносимо. Но камень отскочил от воды четыре раза, так что я наклонился поцеловать ее.

Мы с Келли провели вместе весь день, а потом я снова заснул у озера. Вернувшись на следующий день в сумерках домой, я обнаружил на полу перед своей комнатой кучу одежды, включая серую куртку и черные брюки, которые я демонстрировал Лекси. На одежде лежала записка, написанная твердым почерком:

«Слушай свое сердце. Тебе повезло, что оно у тебя еще осталось».

Я сгреб всю одежду, одновременно тронутый, успокоенный и огорченный поступком Лекси.

Переодевшись в голубую рубашку из шамбре и белые брюки, я зачесал волосы назад. Я походил на обычного парня, готовившегося к встрече с красивой девушкой. Хотелось бы мне, чтобы все было так просто.

Я спустился по лестнице, ожидая, что кто-нибудь выпрыгнет из тени, чтобы остановить меня, чтобы рассказать мне, что мой план не сработает. Но я беспрепятственно миновал лестницу, прошел через кухню и вышел в заднюю дверь.

Выйдя на улицу, я прошел две мили до Лорел-стрит, спрятав руки в карманы и насвистывая «Боже, храни южан», а потом остановился, чтобы сорвать белую магнолию с куста, растущего перед окрашенным в персиковый цвет домом в начале улицы, где жила Келли.

— Стефан! — Из-за дерева, высящегося у подъездной дорожки Галлахера, послышался быстрый шепот. Келли выступила на свет. Распущенные волосы спадали на спину. Как и в тот раз, когда я впервые ее увидел, на ней была белая ночная рубашка, отделанная кружевом, только теперь девушка стояла достаточно близко, чтобы я мог заметить, что на ней нет нижней юбки — зато есть тяжелая шаль из серой шерсти. Я отвернулся, смущенный.

— Стефан, — Келли погладила мою руку кончиками пальцев, — ты готов?

— Да. — Я украсил ее волосы магнолией.

Она улыбнулась:

— Ты настоящий джентльмен.

— Ты такая красивая. — Я потянулся заправить прядь рыжих волос за ухо. Локоны были мягкими, как розовые лепестки, и пахли медом. Я хотел бы стоять так вечно, наблюдая облачка пара от ее дыхания. — Келли, — начал я, когда на отдаленной церкви внезапно пробили колокола. Двенадцать раз. Полночь. Колдовской час.

— Пора. Смена Джаспера длится до половины первого, но я скажу, что ты пришел пораньше сменить его. Это даст нам немного времени. К моменту появления второго охранника вы уже будете далеко. Но нам надо спешить, — она говорила очень уверенно, но дрожащие губы выдавали ее чувства. Я хотел обнять ее, отнести в постель и прошептать на ухо «сладких снов». Я, вампир, полагался на защиту этого ребенка.

Келли соединила пальцы, как будто в немой молитве. Потом кивнула и слабо улыbnулась:

— Не бойся. — Она взяла меня за руку. Но даже по пульсации крови в ладони было понятно, как бешено бьется ее сердце. Она провела меня через железные ворота, по дорожке и открыла неприметную дверь в боковой стене.

— Потихе, — велела Келли, когда мои глаза привыкли к темноте. В отличие от всего остального дома, отделанного полированным мрамором и блестящим дубом, здесь все было устроено исключительно просто. Через этот вход слуги могли попадать на чердак, не беспокоя обитателей дома. Перед нами была крутая лестница из грубых ореховых досок. Келли наклонила голову, к чему-то прислушиваясь.

Я последовал ее примеру, хотя путаница в голове и помешала бы мне что-либо расслышать.

Внезапно я услышал, как кто-то скребется наверху. Келли взглянула на меня — она тоже это слышала.

— Это Джаспер, — пояснила она, — пошли наверх.

Она взбежала по шатким ступенькам, я последовал за ней. Келли постучала в обшарпанную белую дверь — два быстрых удара, пауза, один длинный.

Щелкнул замок, послышалось звяканье металла — Джаспер отодвинул задвижку. Наконец, он открыл дверь, загородив ее так, чтобы мы не видели, что внутри.

— Неужели! Келли и парень, который ударил вампира, а потом убежал. Чему обязан этим удовольствием? — злобно спросил Джаспер. Я сдвинулся в сторону, пытаюсь рассмотреть комнату.

— Здравствуй, Джаспер. — Келли проскользнула мимо него и сделала мне знак следовать за ней. В темноте я различил только большую клетку в углу. Внутри лежала большая неподвижная куча. — Отец ждет тебя в кабинете. Стефан подежурит пока.

— Жду Джаспера в кабинете? — прогремел голос. — Я здесь.

Я застыл. Галлахер.

Отец Келли сидел у шаткого столика за дверью, перед ним лежали карты. В центре столика горела одинокая свеча.

— Папа, — хихикнула Келли. Звук вышел вымученным. — Я, наверное, перепутала. Я знала, что ты сегодня играешь в карты, и подумала, что в кабинете будет гораздо удобнее, — голос у нее дрожал. Она облизала губы и села за столик напротив Галлахера.

— Как мило с твоей стороны обо мне заботиться, — грубо сказал Галлахер.

— Мистер Галлахер, — я слегка поклонился, — мне велели дежурить здесь, но, возможно, я чего-то не понял.

Замешательство оказалось несложно имитировать. Келли клялась, что ее отца не будет дома.

— Это правда, Джаспер? — спросил Галлахер.

— Черт его знает. Он неплохой парень. Нервный немножко, но если уж протыкает вампира, то делает это хорошо.

Галлахер задумчиво кивнул и спросил у дочери:

— И это тот юноша, которому вы, мисс, доверяете?

Келли покраснела под веснушками и кивнула.

Потом Галлахер, к счастью, встал, скрипнув стулом.

— Тогда, парни, я вас оставляю. — Он взял свой виски и пошел вниз вместе с дочерью.

— Ты теперь человек Галлахера? — Джаспер вложил мне в руки смоченный вербеной кол. Кожа горела, боль пронзила руки. Я подавил крик, прикусил язык и взял кол двумя

пальцами, чтобы как можно меньше прикасаться к отравленному дереву.

— Я не собираюсь тут больше ошиваться. Вампир голоден. Надеюсь, он сожрет тебя. И пока он будет это делать, я поболтаю с мисс Келли и ее папашей. Покажи им, что ты можешь не только улыбаться и мило выглядеть. — Движения у него были расхлябанные, и от него пахло виски.

Как только затихли шаги, я со стоном бросил кол на землю, а потом подошел к клетке. Дамон лежал в углу, как раненое животное.

— Брат? — прошептал я.

Дамон оскалился, заставив меня отпрыгнуть. Потом хрипло засмеялся и прислонился к стене, измотанный усилием.

— Что, братишка? Боишься вампира?

Я не обратил внимания на его слова и принялся выламывать дверь клетки. Дамон с интересом наблюдал за моими усилиями, а потом двинулся ко мне. Он почти добрался до двери, когда я почувствовал жгучую боль, распространявшуюся от позвоночника по всему телу.

— Попался! — взревел кто-то.

Мир стал невесомым, и я упал вперед. Я уткнулся во что-то твердое — в Дамона? — а потом услышал металлический звон. Дверь клетки закрылась за мной.

27

Я попытался приподнять тяжелые веки. Не знаю, сколько времени прошло. Ночь? Две? Неделя? Вокруг было темно. Все это время я был практически без сознания, но слышал шаги и крики, и окликающий меня по имени голос, похожий на голос Келли. Но потом я проснулся и не отключился сразу же. Подняв руки, я понял, что прикован к стене. На ногах и руках были ожоги от вербены. Засохшая кровь покрывала все тело, и было непонятно, куда же я ранен. Рядом, подтянув колени к груди, сидел Дамон. Его тело было в крови, лицо осунулось. Темные тени лежали под запавшими глазами, но по лицу бродила слабая улыбка.

— И где теперь твоя Сила?

Я попытался сесть. Все кости ломило. Через грязное окно сочился тусклый серый свет. Где-то на другом конце комнаты шуршали и шмыгали носами мыши. Желудок сжался, и я понял, что ничего не ел с того момента, как попал сюда. В углу сидели два незнакомых охранника, не обращающих никакого внимания на нашу почти неслышную беседу.

Отвратительно. Как я мог быть таким болваном? Лекси оказалась права. Конечно, Келли предала меня. Она от начала до конца спланировала все это в тот момент, когда заметила у меня на пальце кольцо, как у Дамона. Я должен был понять это, когда увидел на чердаке ее отца. Как я мог попасться в такую глупую, примитивную ловушку? Я заслужил, чтобы меня заковали, как зверя.

— Ты ее любил? — Дамон как будто прочел мои мысли.

Я уставился прямо перед собой.

— Она не приходила, если тебе вдруг интересно, — продолжил он светским тоном. — Она миленькая, хотя, на мой взгляд ты мог бы найти кого-нибудь получше.

У меня тут же начали расти клыки.

— Чего ты добиваешься? — прорычал я.

Дамон указал на засов:

— Сам видишь, ничего. Отличная попытка спасти меня.

— По крайней мере я попытался. — Гнев угас, уступая место смирению.

— Не стоило трудиться, — Дамон сверкнул глазами, — разве я неявно выразил свои чувства к тебе?

— Я... — Я понял, что не знаю даже, с чего начать. Как объяснить ему, что у меня не было других вариантов, кроме как попытаться его спасти? Одна кровь текла в наших жилах, мы связаны друг с другом. — Неважно.

— Важно, — философским тоном сказал Дамон, — в конце концов, мы оба скоро умрем. Вопрос только в том, убьет ли тебя крокодил или тигр. Я слышал от Галлахера, что крокодилы — лучшие звери для битвы, потому что они не спешат убивать. Растягивают удовольствие.

Дверь чердака распахнулась, и Галлахер вошел, стуча сапогами.

— Вампиры проснулись! — проорал он.

Охранники тут же подобрались, делая вид, что все время следили за нами. Галлахер подошел к клетке и встал на колени, так что его глаза оказались на одном уровне с нашими. Его безукоризненный костюм-тройка больше подошел бы человеку, который сделал состояние играя на бирже, а не пытая вампиров.

— Так-так-так. Фамильное сходство очевидно. Странно, что я не заметил его раньше. — Он просунул руку через решетку и рванул меня за воротник рубашки, подтянув к себе. Я ударился лицом о железные прутья и вздрогнул, почувствовав грудью что-то деревянное.

Кол.

— У тебя почти получилось притвориться человеком. — Галлахер захохотал, запрокинув голову, как будто это была самая смешная шутка в мире.

— Это тебе с рук не сойдет, — прошептал я, когда боль от проткнувшего кожу кола разлилась по всему телу.

— Слушай сюда, вампир! — Губы Галлахера изогнулись в улыбке. — Думаю, именно тебя убьют. Да, пожалуй, это выйдет очень мило. — Он повернулся к охранникам: — Слышали? Совет от босса — ставьте на темненького. — Галлахер провернул кол. — Кажется, в его братце злости намного больше.

Я не видел лица Дамона, но мог представить ухмылку, без всякого сомнения, игравшую на его губах.

Галлахер хрюкнул и швырнул вымоченный в вербене кол на пол.

— И мне не хотелось бы, чтобы вы для развлечения тыкали в вампиров колами, — бросил он охранникам. Тот, что покрупнее, виновато уставился в пол.

— Почему?! — возмущенно спросил второй. — Это им полезно. Пусть знают свое место.

— Потому что к битве они должны быть в отличной форме, — сказал Галлахер преувеличенно терпеливым тоном. Потом улыбнулся нам. — Да-да, мальчики. Будете драться насмерть. Идеальный вариант — мертвого вампира я продам, а живого продолжу использовать для представлений. Прибыль превзойдет все мои ожидания. Может быть, это кошунство, но я благодарю Господа за вампиров.

С этими словами Галлахер вышел, хлопнув дверью. Я откинулся на стенку клетки, Дамон закрыл глаза. Охранники таращились на нас сквозь решетку.

— Босс сказал про темненького, но он вроде слабее. Я поставлю на этого, — сообщил один.

— А я всегда соглашаюсь с боссом. В конце концов, размер не всегда имеет значение, — сказал тощий охранник, явно оскорбленный недоверием второго.

Я привалился к стенке и закрыл глаза. Брат ненавидит меня достаточно сильно, чтобы мечтать о моей смерти. Но убьет ли он меня?

— Я хуже крокодила, братишка, — улыбнулся Дамон, не открывая глаз.

— Это лучшая новость, которую я слышал с момента превращения в вампира.

Он расхохотался и громко хохотал до тех пор, пока один из охранников не поднялся и, невзирая на запрет Галлахера, не ткнул его колом.

Но даже тогда он продолжал смеяться.

— Помнишь, мы разбили мамину хрустальную вазу? И я так боялся ее реакции, что

заплакал? — спросил я.

— Да. А отец решил, что виноват я, выпорол меня и назвал хулиганом, — без выражения сказал Дамон. — Я пытался облегчить твою жизнь, братишка. Но с меня хватит. В этот раз ты получишь то, что заслужил.

— Какого ответа ты ждешь, Дамон? — вышло так громко, что охранники оглянулись на нас.

Дамон выдержал паузу и опустил глаза:

— Я скажу тебе, чего хочу... перед тем как убить тебя.

Я разозлился:

— Мне казалось, это ты хотел умереть. А теперь хочешь убить меня?

— Я тут подумал и понял, что быть адской тварью не так и плохо. Я, пожалуй, готов играть эту роль, — усмехнулся Дамон. — Возможно, я презирал не свою новую сущность, а тебя. Но если тебя не будет...

— Если меня не будет, ты навечно застрянешь в цирке уродов Патрика Галлахера, — прервал я.

— Но я на это согласен. Тебе не кажется, что цирк уродов Патрика Галлахера лучше ада? А когда я стану посильнее, то смогу сбежать без всяких проблем.

— Уверен, тебя снова поймут, как и в первый раз, — с отвращением сказал я и прислонился к решетке. До битвы оставался всего час, но я не потерял надежды договориться с Дамоном, установить хоть какое-то хрупкое перемирие. Но, что бы я ни сказал, он в лучшем случае меня проигнорирует. В худшем — высмеет.

Непонятно было, сколько времени мы уже в плену. С тех пор как я стал вампиром, время начало течь по-другому. Секунды и минуты больше не имели значения. Но оказалось, что в плену время снова стало важным — каждая секунда приближала нас к битве. Пока мы ждали, я прокручивал в уме возможные исходы схватки. Я представлял Дамона, сдавливающего мое горло и орущего что-то триумфальное. Я видел, как сам поддаюсь гневу и отнимаю жизнь у собственного брата — снова.

А что случится, если мы оба откажемся драться? Сможем ли мы вдвоем бросить вызов толпе? Сможем ли придумать план побега? У людей Галлахера есть вербена и колы, но у нас есть Сила. Если бы только Келли была на моей стороне...

При мысли о предательстве Келли сердце болезненно сжалось. Я то и дело вспоминал ее рыжие волосы и сверкающие глаза, и этот образ снова и снова разжигал в моем сердце гнев и боль. Я сжал кулаки. Если бы только я послушал Лекси! Если бы не доверился человеку...

Только одну цель я ставил перед собой — если уж мне суждено умереть, я умру с закрытыми глазами, но не буду выискивать в толпе ее лицо.

— Пора, парни! — распахивая дверь, крикнул Галлахер таким тоном, будто будил детей на веселую утреннюю прогулку. На нем был черный жилет и новенькие золотые часы, сверкавшие в слабом солнечном свете. Он щелкнул пальцами, и охранники тут же засуетились, натягивая импровизированную форму охотника на вампиров: перчатки, сапоги, венки из вербены.

Отворилась дверь клетки, и охранники грубо вытолкали нас наружу, надев нам на лица намордники, связав руки за спиной и завязав глаза. Нас вывели с чердака и провели в черную повозку, которая тут же тронулась и загрохотала по мостовой в сторону озера.

После прибытия в шатер нас вывели тем же порядком.

— Фу!

— Ужас! — Проходя за кулисами, я услышал комментарии к вставным номерам и сжал челюсти. Интересно, Лекси знает, где я? Или она думает, что я уже мертв? Повязку с глаз мне не сняли, но я все равно знал наизусть каждый дюйм шатра. Слева была татуированная женщина, справа — Каролина, самая страшная женщина в мире. Пол круто пошел вниз, и я понял, что вышел на арену.

Кто-то схватил меня за руку:

— Я рассказал всем, какой ты сильный. Но не напрягайтесь особенно, мистер Сальваторе. Я поставил на вашего брата, — весело прошептал Джаспер.

Наконец, с глаз сняли повязку. Шатер был залит ярким светом, повсюду толпились люди. В центре Галлахер принимал ставки, и публика яростно размахивала чеками и банкнотами. Играл орган, в воздухе пахло яблоками в карамели и пуншем.

А потом я заметил ее уголком глаза.

Келли сновала по рядам, а за ней шел Бак с жестяной коробкой в руках. В волосах у нее были побеги вербены, лицо осунулось. Очевидно, она собирала ставки прямо в зале. Она была дочерью своего отца и прекрасно выполняла свои обязанности.

На меня она даже не поглядела.

Я оторвал от нее взгляд и посмотрел на Дамона. Он всегда был хорошим бойцом, а последние схватки еще закалили его. Если он захочет убить меня, то убьет.

Более того, я это ему позволю. Я слишком многим ему обязан.

Джаспер ударил в гонг, и толпа заволновалась. Галлахер поднялся на ноги и завопил:

— Леди и джентльмены! Добро пожаловать на еще одно прекрасное состязание, устроенное вашим покорным слугой Патриком Галлахером. Всего несколько дней назад мы представили вам первую в мире битву между вампиром и пумой. Сегодня вы впервые увидите схватку между двумя вампирами, один из которых победил в предыдущем бою. Кроме того, — он понизил голос так, что толпа зашумела и подалась вперед — они — братья. Они родились от одной матери, и сегодня один из них отправится прямиком в преисподнюю.

В спину мне ударил камень, и я обернулся. Вербена была везде. Из-за нее в глазах плыло, лица сливались в кошмарную мешанину глаз, носов и разинутых ртов.

— Брат, прости за все, что я сделал. Пожалуйста. Если нам суждено умереть, давай простим друг друга. Мы — это все, что у нас есть, — прошептал я, сжав зубы, надеясь в последний момент все-таки убедить Дамона. Дамон долю секунды смотрел на меня и встряхнул головой. Выражение лица у него было непонятное. В центре арены Галлахер все еще завораживал публику.

— Ставки будут приниматься еще пять минут. Но, — он поднял руку, заставляя зрителей замолчать. Шум слегка поутих, — оставайтесь после представления. Мы будем продавать кровь побежденного. Даже кровь мертвого вампира обладает целительными свойствами. Лечит все болезни. Даже проблемы, возникающие в спальне, — тут он подмигнул. Толпа орала и свистела. Я застыл, раздумывая, считает ли публика все это всего лишь представлением, нас — неудачливыми актерами, а кровь, которой собирается торговать Галлахер, — каким-нибудь вишневым ликером. Знал ли кто-нибудь, что кровь будет настоящей, что проигравший не встанет с арены и не отправится домой, когда шатер опустеет?

Келли знала. Келли знала и сама приготовила мне такую судьбу. Я снова сжал челюсти, готовый драться, готовый дать толпе зрелище, которого она жаждала. Джаспер повел меня по кругу, представляя зрителям последнюю возможность оценить мою силу, а потом поднять ставки. Я слышал обрывки разговоров:

Этот выше на дюйм. Я меняю ставку.

Твоей старухе понравился бы такой подарочек на юбилей?

И как они сражались против настоящей пумы?

Человек в рясе, стоящий рядом с Галлахером, поднял руки, чтобы успокоить толпу. Я узнал заклинателя змей.

— Да прольется свет на эту битву, и да попадет душа проигравшего в очищающий адский огонь! — прокричал он, и шатер забесновался. Раздался свисток, и битва началась.

Дамон кружил вокруг меня, пригнувшись к земле. Как будто мы снова были детьми и боксировали друг с другом. Я скопировал его стойку.

— Крови! — крикнул какой-то пьяный, нависающий над барьером.

— Крови! Крови! Крови! — кричали все. Мы с Дамоном медленно кружили по арене.

— Давай не будем этого делать, — предложил я, — давай откажемся. Что они сделают?

— Дело не в этом, братик. Нам двоим тесно в этом мире.

Гнев загорался в глубине моего существа. Почему тесно? Почему Дамон не может простить меня? Я больше не думал, что его мучает память о Катерине. Я понял, что он боится меня. Не меня настоящего, а того меня, которого он придумал, — чудовища, которое убивает, ничего не боясь и не думая о последствиях. Как он мог не заметить всех моих попыток сделать его счастливым, попыток спасти его? Я ударил, попав Дамону в щеку. Из лопнувшей кожи потекла кровь, и толпа завопила.

В ответ Дамон ударил меня в плечо, швырнув на землю.

— Зачем ты это сделал? — К восторгу публики, Дамон обнажил клыки.

— Ты этого хотел, — прошептал я, тоже показывая клыки и беря его в захват.

Он вывернулся и вернулся в свой угол. Мы стояли на разных концах арены и смотрели друг на друга — испуганные, злые, одинокие.

— Деритесь! — ревела толпа.

Галлахер смотрел на нас, не зная, что делать. Он щелкнул пальцами, Джаспер и Бак побежали к нам с колами, чтобы заставить нас драться. Они толкали нас, пока мы не стали почти вплотную друг к другу и не подняли кулаки. Но тут сверху раздался громкий, оглушающий треск, как будто небо развалилось пополам. Взвился холодный вихрь, поднявший облако опилок и пыли. Я почувствовал запах дыма.

— Пожар! — закричал кто-то.

Я огляделся. Часть шатра горела, люди бежали во все стороны.

— Пошли! — Я почувствовал на плечах чьи-то руки. Келли. — Да пойдем же! — Она толкала меня в спину. В руках у нее был топор, и постепенно я начал понимать, что случилось. Она на самом деле подрубила опоры шатра, а потом подожгла его? — Шевелись! — Келли снова толкнула меня. Для человека она была очень сильной, и через пару секунд бессмысленного топтания на месте я схватил Дамона за руку, и мы побежали мимо палаток, вдоль по реке, все быстрее и быстрее, к дому.

29

Мы с Дамоном с нечеловеческой скоростью бежали по улицам Нового Орлеана. Когда мы только приехали, он неохотно следовал за мной, но сейчас мы мчались бок о бок, а кирпичные и саманные строения по сторонам сливались в одно неясное пятно.

Арена изменила наши отношения — я чувствовал это всем своим существом. Что-то мелькнуло в глазах Дамона, когда он посмотрел на меня и отказался атаковать, несмотря на крики толпы. Я думал, как закончилась бы битва, если бы шатер не загорелся. Мы пошли бы на людей плечом к плечу? Или один из братьев Сальваторе закончил бы свою жизнь в луже крови на пыльном полу?

Мелькнуло воспоминание о пылавшей, как огромный факел, церкви Мистик-Фоллз. Горожане спалили церковь и запертых в ней вампиров в ту самую ночь, когда отец убил нас — и вампиршу, которую любил Дамон.

Но мы с Дамоном до сих пор живы, как фениксы, восставшие из пепла былых вампиров. Может быть, из пламени горящего цирка в этом новом для нас городе родится и наша новая близость — как новые побеги поднимаются на полях, в прошлом году выжженных дотла.

В унисон стуча подметками по булыжной мостовой, мы с Дамоном бежали по переулкам и улицам, которые я так хорошо выучил за несколько прожитых здесь недель. Но когда мы повернули на Дофин-стрит, куда мы с Лекси ходили за покупками, я остановился. На витрине швейной мастерской висел грубый набросок, изображавший нас с Дамоном, припавших к земле, с обнаженными клыками. «Битва века» — гласила надпись. Я прикинул, не Келли ли нарисовала это. Может быть.

Дамон наклонился поближе, изучая афишу.

— На этом рисунке ты полноват, братец. Наверное, стоит на время отказаться от официанток.

— Ха-ха, — кисло сказал я и осмотрелся. Со стороны цирка слышались крики. Начало было хорошим, но, если этих афиш столько же, сколько афиш с Дамоном, мы не будем в безопасности, пока не доберемся до дома.

В отдалении высилась колокольня церкви, стоящей по диагонали от дома Лекси.

— Пошли! — Я подтолкнул Дамона к церкви, и больше мы не разговаривали, пока не добрались до старого белого дома.

— Ты здесь живешь? — Дамон кривил губы, пока его глаза перебежали с проваленного беленого крыльца на темные окна.

— Я понимаю, что этот дом не совсем соответствует твоим меркам, но всем нам время от времени приходится чем-то жертвовать, — саркастически сказал я, проводя его к задней двери.

Дверь открылась, бросив на темную землю треугольник света.

Я поднял руки, увидев в дверном проеме Лекси.

— Я помню, что ты запрещаешь приводить гостей но...

— Быстро заходите! — Она закрыла дверь в ту же секунду, как мы пересекли порог. В зале горели свечи. На стульях и кушетках сидели Бакстон, Хьюго и Перси, как будто застигнутые в разгар какого-то собрания.

— Ты, должно быть, Дамон, — кивнула Лекси, — добро пожаловать.

Я знал, что Дамон ее разглядывает, и мне было интересно, что он скажет.

— Да, мадам, — слегка улыбнулся Дамон, — но боюсь, что за все то время, что мы провели в плену, мой брат не удосужился рассказать о вас и вашей — он взглянул на Перси и Бакстона, — семье.

Перси дернулся встать, но Лекси остановила его жестом:

— Я Лекси. Раз Стефан твой брат, то мой дом — твой дом.

— Мы сбежали, — начал объяснять я.

— Я знаю, — кивнула Лекси, — Бакстон там был.

— Правда? — удивился я. — Ты поставил на меня или против?

Дамон усмехнулся. Лекси положила руку мне на плечо:

— Не злись. Он был там, чтобы тебе помочь.

— Вы хотели мне помочь?

Бакстон откинулся на спинку стула:

— Да. Но кому-то пришла в голову блестящая идея поджечь весь цирк, и я убежал, — он сложил руки на груди, как будто бы довольный своим участием в этой истории.

— Это была Келли. Она подожгла шатер, — признался я.

В глазах Лекси мелькнуло удивление:

— Я ошиблась, — просто сказала она, — это должно было случиться.

— Простите, что я вас перебиваю, но у вас есть что-нибудь поесть? — Дамон не отрывался от портрета какой-то старой дамы. — Последние несколько недель выдались довольно трудными.

В первый раз с момента побега я внимательно посмотрел на брата. Голос у него был хриплый, как будто он отвык говорить. Кровоточащие порезы покрывали руки и ноги, одежда висела клочьями, грязные черные волосы свисали на шею. Глаза покраснели, а руки тряслись.

— Конечно. Мальчики, вы, наверное, умираете с голоду. Бакстон, отведи его в лавку мясника, пусть поест до отвала. Не думаю, что в Новом Орлеане хватит людей, чтобы утолить его голод. А вечером он наконец поест по-королевски.

— Да, мадам, — Бакстон слегка поклонился, вставая со стула.

— Я пойду с ними, — я направился к двери.

— Нет, — Лекси схватила меня за руку, — для тебя у меня есть чай.

— Но... — запротестовал я, ничего не понимая. Я почти чувствовал вкус свиной крови.

Бакстон открыл дверь перед Дамоном, который на прощание выгнул бровь, будто бы говоря: «Бедный мальчик». Даже если Лекси видела это, то предпочла не заметить, занявшись чайником. Я рухнул на один из шатких стульев и уронил голову на руки.

— Стать вампиром — это не только отрастить зубы и перейти на новую еду, — стоя ко мне спиной, Лекси разжигала огонь в камине.

— А что еще? — ошетинился я.

— Ты и твой брат теперь не те, что прежде. Вы оба изменились, и, возможно, ты знаешь Дамона не так хорошо, как воображаешь. — Лекси поставила на стол две дымящиеся кружки. — Козья кровь.

— Я не люблю козью кровь. — Я оттолкнул кружку. Говорил я как капризный ребенок, но меня это не волновало. — И никто не знает Дамона лучше, чем я.

— Ох, Стефан, — Лекси ласково посмотрела на меня, — конечно. Но обещай мне быть осторожным. Сейчас опасное время, для всех.

На слове «опасный» в мозгу словно бы что-то щелкнуло.

— Келли! Я должен ее найти.

— Нет! — Лекси снова усадила меня на стул. — Отец ничего ей не сделает, а вот тебя он, скорее всего, убьет, а у тебя сейчас нет сил драться.

Я открыл рот, чтобы возразить, но Лекси меня опередила:

— С Келли все в порядке, ты увидишь ее завтра. А сегодня пей. Ложись спать. Проснешься здоровым и вместе с Дамоном и Келли расставишь все по своим местам.

Лекси вышла, взмахнув на прощание передником и погасив лампу.

Вскоре усталость навалилась тяжелым одеялом, и желание не слушаться Лекси ушло. Со вздохом я поднял кружку и сделал маленький глоток. Пришлось признать, что эта теплая бархатистая жидкость совсем неплоха.

Лекси права — завтра я увижу Келли и попрощаюсь с ней. Но мне нужен отдых. Болело все тело, даже сердце.

«По крайней мере ты знаешь, что у тебя еще осталось сердце», — представил я реакцию Лекси и улыбнулся в темноту.

30

19 октября 1864 года

Мне ничего не угрожает, но я не чувствую себя в безопасности. Интересно, это вообще когда-нибудь случится или я обречен вечно стремиться к невозможному? Привыкну ли я к боли? Через двадцать лет, двести или две тысячи лет вспомню ли я эти недели? Вспомню ли я Келли, ее рыжие волосы, ее смех?

Вспомню. Я должен. Келли спасла меня и дала мне еще один шанс. Она была светом, пролившимся на мою жизнь после тьмы, в которую ее погрузила Катерина. Катерина сделала меня чудовищем, но Келли снова превратила меня в Стефана Сальваторе, которым я могу гордиться.

Я мечтал о ее любви. Мне ничего не нужно, кроме ее счастья. Я хочу, чтобы она жила хорошо и встретила мужчину — человека, — который оценит ее по достоинству, который будет обожать ее, который навсегда увезет ее от Галлахера в тихий дом у озера, где она сможет учить детей пускать «блинчики».

Может таким, таким я останусь в е памяти: не чудовищем, а просто парнем, который провел с ней теплое летнее утро и научил кидать камни, особым образом поворачивая запястье. Может быть, однажды мы с ней одновременно вспомним это утро. Может быть даже, она научит этому своих детей и их детей, и они все будут знать о человеке, который научил ее пускать «блинчики». Слабая надежда, но хоть что-то. Потому что, пока Келли будет помнить меня, мы будем связаны друг с другом. И, может быть, со временем я научусь довольствоваться этой связью, состоящей из одного воспоминания.

Я проснулся среди ночи — как мне показалось, из-за бьющего в окно града. Несмотря на запреты Лекси, я нашел маленькую дырочку в занавеске и уставился в темноту. Деревья стояли голые, ветки тянулись к небу, как мертвые руки. Хотя луны на небе не было, я разглядел бегущего через двор енота. А потом фигуру, сжавшуюся за одной из колонн беседки.

Келли.

Я моментально натянул рубашку и сбежал по лестнице, стараясь производить как можно меньше шума. Мне совсем не хотелось, чтобы Бакстон или Лекси узнали о человеке, который шел за мной до самого дома.

Дверь за мной хлопнула, и Келли отпрыгнула.

— Это я, — я боялся, смущался и радовался одновременно.

— Привет, — робко сказала она. На ней были синее платье, меховая накидка и низко надвинутая на лоб шляпа, а на плече висел большой саквояж. Она дрожала. Больше всего мне хотелось взять ее на руки и отнести наверх, где мы могли бы согреться под моим одеялом.

— Ты куда-то собираешься? — Я кивнул на саквояж.

— Надеюсь, — она взяла мои ладони в свои, — Стефан, мне неважно, кто ты. Меня это никогда не волновало. И я хочу быть с тобой, — она заглянула мне в глаза, — я... я люблю тебя.

Я уставился в землю. В горле встал комок. Когда я был человеком, то думал, что люблю Катерину, пока не увидел ее в цепях и наморднике, с пеной на губах. Это зрелище не вызвало во мне ничего, кроме отвращения. А Келли видела меня без сознания, истекающего кровью из-за ожогов от вербены, мучимого охранниками, лупящего брата на арене, и она любила меня. Разве такое возможно?

— Можешь не отвечать, — поспешно добавила Келли, — я должна была тебе сказать. И я в любом случае уезжаю. Я не могу оставаться с отцом после того, что случилось. Я иду на вокзал, и ты можешь пойти со мной. Ты не должен. Но мне бы этого хотелось, — лепетала она.

— Келли! — Я прервал ее, приложив палец к губам. Ее глаза расширились — в них был то ли страх, то ли надежда.

— Я пойду с тобой куда угодно. Я тебя люблю и буду любить до конца своей жизни. Лицо Келли расцвело радостью:

— Ты имел в виду, до конца своей не-жизни. — В ее глазах плясали веселые искры.

— Как ты узнала, где я живу? — Я почувствовал смущение.

Келли зарделась:

— Я следила за тобой. Когда ты убежал после первой битвы с вампиром. Я хотела знать о тебе все.

— Теперь знаешь.

Не в силах больше сдерживаться, я обнял ее и наклонился к ее губам, не боясь услышать, как течет кровь или как ее сердце начинает биться быстрее в предвкушении. Она обняла меня крепче, и наши губы встретились. Я жадно целовал ее, упиваясь мягкостью ее губ. Мои клыки не росли; все, чего я хотел, — быть рядом с ней, с человеком. Она была теплая и мягкая и на вкус напоминала мандарины. Я представил наше будущее. Мы уедем как можно дальше из Нового Орлеана, возможно, в Калифорнию, или даже уплывем в Европу на корабле. Мы поселимся в маленьком домике, будем держать какой-нибудь скот, которым я смогу питаться, и вдали от любопытных глаз проживем вместе всю жизнь.

На краю сознания билась мысль: а не превратит ли ее в вампира? Мне была отвратительна мысль о том, чтобы вонзить клыки в ее белую кожу, обречь ее жаждать крови и бояться солнечного света, но я не мог и думать о том, что она состарится и умрет у меня на глазах. Я потряс головой, пытаюсь избавиться от этих мыслей. Я подумаю об этом потом. Мы оба подумаем.

— Стефан, — прошептала она, но шепот перешел в стон, и она выскользнула из моих

объятий, обрушившись на землю. Мясницкий нож торчал у нее из спины, из раны лилась кровь.

— Келли! — я упал на колени. — Келли!

Я отчаянно рванул зубами вену на запястье, пытаюсь напоить ее своей кровью и исцелить. Но прежде, чем я успел прижать запястье к ее губам, невидимая рука дернула меня за воротник рубашки.

Знакомый низкий смех прорезал ночной воздух:

— Не так быстро, братишка.

31

Я обернулся, готовый к удару, и оскалил клыки. Но прежде, чем я успел пошевелиться, Дамон схватил меня за плечи и швырнул через улицу. Я тяжело ударился о мостовую, рука выгнулась под неестественным углом. Я поднялся на ноги. Келли лежала на траве, рыжие волосы рассыпались, под ней темнела лужа крови. Она тихо застонала, и я понял, что это агония.

Я побежал к ней, раздирая собственную рану, чтобы ей легче было пить. Но Дамон загородил мне дорогу и толкнул плечом в грудь. Я упал на землю, снова встал и взревел:

— Хватит!

Я бросился на него, готовый разорвать его на части, сделать то, чего он так долго хотел.

— Правда хватит? А как же обед? — На лице Дамона появилась улыбка. Я в ужасе наблюдал, как Дамон встает на колени, впивается в шею Келли и долго-долго пьет кровь. Я пытался оторвать его, но он был слишком силен. Сколько людей он убил с момента нашего побега?

Я оттаскивал его, чтобы освободить Келли, но Дамон не двигался с места, как будто я дергал каменную статую.

— На помощь! Лекси! — заорал я, и Дамон отбросил меня быстрым ударом локтя.

Я обрушился на траву, а Дамон продолжал пить. И тут я понял, что стоны Келли затихли. — Как и ровное монотонное течение крови, которое я всегда слышал в ее присутствии. Я упал на колени.

Дамон повернулся ко мне. Его лицо было все в крови. В крови Келли. Я попятился, а он только усмехнулся:

— Ты был прав. Вампиры убивают. Спасибо за науку.

— Я убью тебя. — Я снова бросился на него. Я опрокинул его на землю, но Дамон воспользовался тем, что у меня ранена рука, и отбросил меня, так что я упал рядом с Келли.

— Не думаю, что я сегодня умру, спасибо, — сообщил он, — твое время принятия жизненно важных решений прошло.

Он встал, как будто собираясь уйти. Я подполз к Келли. Остекленевшие глаза были широко распахнуты, лицо побелело. Грудь все еще вздымалась и опускалась, но редко.

«Пожалуйста, не умирай», — подумал я, глядя в ее немигающие глаза в отчаянной попытке подчинить ее. Веки дрогнули. Могло ли это сработать?

«Я хочу, чтобы ты жила. Я хочу любить тебя живую», — думал я, вливая кровь из своих ран ей в рот.

Капли падали ей на лицо, а меня вдруг пронзила дикая боль. Я неуклюже растянулся на траве, а Дамон продолжал пинать меня в живот. Его глаза сверкали. Собрав все силы, я откатился на покрытую росой землю подальше от Дамона.

— Помогите! — крикнул я в сторону дома.

— Помогите! — передразнил Дамон ангельским голосом. — Мой маленький братик теперь уже не взрослый мужчина? А как же захват мира? Ты был слишком занят чаепитиями со своими маленькими друзьями и любовью с человеческими женщинами? — Он скривил губы.

Внутри что-то оборвалось. Каким-то образом я поднялся на ноги и пошел на Дамона,

обнажив клыки. Я швырнул его на землю и укусил яремную вену, оставив длинную рваную царапину. Он упал, закрыв глаза, из шеи текла кровь.

На какое-то мгновение он стал снова похож на моего брата. Ни налитых кровью глаз, ни звящего от ненависти голоса. Только широкие плечи и темные волосы, всегда отличавшие Дамона. Но он больше не был Дамоном. Это было чудовище, одержимое жаждой разрушения. Он ни перед чем не остановится, лишь бы выполнить свою угрозу и сделать мою жизнь невыносимой.

Я огляделся и наконец заметил в нескольких футах маленькую ветку, обломанную бурей. Я схватил ее и занес над его грудью.

— Отправляйся в ад, — прошептал я, искренне желая именно этого.

Но, стоило последнему слову сорваться с губ, Дамон вскочил, оскалившись.

— С родственниками так не разговаривают, — усмехнулся он, кидая меня на землю, — а кол так не держат.

Он поднял ветку, и в его глазах что-то сверкнуло.

— Это смерть, которой ты мне не дал. Медленная и мучительная. Я буду наслаждаться каждым ее мгновением, — пообещал он, со всей силы опуская кол.

И все скрыла темнота.

32

— Стефан, — прошептал бесплотный голос.

Я был в лабиринте в Веритас, густая живая изгородь вставала выше моей головы, солнце палило плечи. Воротничок был слишком тугим, шея чесалась — почему-то на мне была лучшая воскресная одежда.

От поворота ко мне шел Дамон. Невинные голубые глаза были широко распахнуты.

— Побегали наперегонки? — предложил он.

Конечно, я согласился.

Мы бежали, пока не начали задыхаться, пока легкие не загорелись от усилий и смеха. Дамон счастливо улыбался, а потом надвинулись тучи, и вокруг потемнело. Черты брата начали меняться. Глаза потемнели, губы стали алыми, как кровь. Он прижал меня к земле и навис надо мной, и это была не игра. Он что-то достал из кармана и ударил меня в грудь, и я лежал на мягкой траве, и мой последний стон постепенно затихал.

Вдруг я увидел нас сидящими на крыльце. Между нами пристроилась Катерина, сверкая озорными темными глазами. Она отрывала лепестки от маргаритки. Ее нога была так близко, что я слегка задевал ее бедром. Она то придвигалась ко мне, то убирала ногу, и я наконец понял ее игру: цветок поможет ей выбрать одного из нас. Когда остался всего один лепесток, ее глаза встретились с моими, и я понял, что выиграл. Она наклонилась меня поцеловать, и я закрыл глаза, готовый к прикосновению мягких губ.

Вместо этого я почувствовал удар кола в сердце. Распахнув глаза, я увидел брата. Он смеялся и загонял дерево все глубже, и цветочные лепестки измялись, когда я упал.

Уронив голову набок, я увидел девушку, которая истекала кровью рядом со мной. Волосы у нее были огненно-рыжие, а кожа под россыпью веснушек — мертвенно-белая.

Келли! Я попытался закричать. Но Дамон заткнул мне рот, продолжая снова и снова вонзать нож в спину Келли.

— Стефан! — снова позвал голос, на этот раз громче. Я узнал это певучее контральто. Лекси.

— Нет, — простонал я. Я не мог допустить, чтобы Дамон убил еще и ее, — убирайся!

— Стефан. — Она подошла ближе, опустила на колени и поднесла бокал к моим губам.

— Нет, — снова сказал я.

Она грубо потрясла меня за плечи, и я открыл глаза. Стены покрывала потрескавшаяся красная краска, а напротив меня висел портрет в золотой раме. Я сел, ощупал лицо руками, а

потом посмотрел вниз. На мне все еще было кольцо. Я потрогал камень — он был вполне реален.

— Лекси? — еще слышно сказал я.

— Да! — Она улыбнулась с явным облегчением. — Ты очнулся.

Я осмотрел себя. Рука все еще болела, под ногтями засохла кровь.

— Я жив?

— Не совсем, — призналась она.

— Дамон?

— Мы не смогли его поймать, — тускло сказала Лекси, — он убежал.

— Келли? — Я не хотел этого слышать, но должен был узнать.

Лекси долго рассматривала свои ногти, а потом подняла на меня янтарные глаза:

— Мне жаль, Стефан. Мы пытались... Даже Бакстон пытался ее спасти... Но было уже слишком поздно, — закончил я. Внезапно заболела голова. — Где она сейчас?

Лекси отвела мои свалывшиеся волосы с виска. Ее пальцы внезапно показались очень холодными.

— В реке. Весь город ее ищет, — она осеклась, но я понял все, чего она недоговорила.

Весь цирк знал о моей дружбе с Келли. Если ее ищут, то мое присутствие опасно для Лекси и ее семьи.

Но, даже если бы меня ничто не гнало, я не смог бы остаться. С Новым Орлеаном было связано слишком много боли и воспоминаний, которые я даже не начал еще осмысливать.

Я упал на подушки.

— Сначала ты должен поесть, — прошептала Лекси, помогая мне сесть, и добавила с грустной улыбкой: — Твоя любимая козья кровь.

Я прикоснулся губами к жидкости. Она была мерзкой, совсем не похожей на сладкую и вкусную человеческую кровь, но хотя бы теплой. И в ней чувствовалось нечто такое, чего никогда не будет в человеческой крови: привкус искупления. Чем больше я буду пить, тем меньше человеческой крови окажется в моем желудке. Однако я не был настолько наивен, чтобы полагать, что сумею избавиться от вины. Я убил слишком многих за то короткое время, что был вампиром, разрушил слишком много жизней. И смерть Келли была делом моих рук, хоть я и не пил ее крови. Я должен был отвернуться от нее, сказать, что не желаю ее видеть. Но я оказался слишком слаб.

— Хороший мальчик, — сказала Лекси, когда я осушил бокал.

Чувствовал я себя при этом не слишком хорошо. Я был болен, боялся и не знал, что делать дальше. Дамон все еще ходит по этой земле, и кровь Келли течет в его венах. Желудок сжался.

— Я не знаю, что делать, — признался я, ища ответа в глазах Лекси. Но она молчала.

— А я не знаю, что тебе сказать, — наконец призналась она, — но я знаю, что ты хороший человек.

Я вздохнул, собираясь напомнить ей, что я вообще не человек, а чудовище, но она встала и собрала посуду с тумбочки.

— Хватит разговоров. Отдыхай, — она поцеловала меня в лоб, — и, Стефан, постарайся не видеть снов.

33

Когда я проснулся, уже наступил день — судя по лучу света, пробивавшемуся сквозь щель между занавесками. Я спустил ноги на твердый пол и потянулся к груде одежды, которую Лекси принесла из магазина. Кажется, это было целую жизнь назад.

Я надел новую рубашку, зачесал волосы назад и убрал остальную одежду в импровизированную сумку из рваной рубашки, привезенной из Мистик-Фоллз. Кроме этой рубашки, от моей прошлой жизни ничего не осталось. Я оглядел комнату, останавливаясь на знакомых залежах пыли в углах. Интересно, сколько вампиров побывало в этом доме, и

найдет ли Лекси очередного молодого вампира, чтобы взять его под крыло? Я надеялся, ради него и ради нее, что ему в Новом Орлеане будет лучше, чем мне.

Лекси сидела в гостиной, держа в руках портрет брата. Как только я вошел в комнату, она подняла взгляд.

— Стефан.

— Прости меня, — перебил я. И я действительно просил прощения за все. За прибытие в Новый Орлеан. За вмешательство в ее жизнь. За опасность, которую я принес в крошечную тихую гавань, которая еще оставалась у вампиров.

— Ничего. Я горжусь знакомством с тобой. — Ее взгляд стал серьезным. — Мне жаль Келли — и твоего брата.

— Он мне больше не брат, — быстро сказал я.

Лекси поставила портрет на столик.

— Может, и нет. Но ты сам говорил, что он был с тобой всю твою человеческую жизнь. Ты можешь это вспомнить и простить ему все остальное?

Я вздрогнул. Я не хотел вспоминать Дамона. Ни сейчас, ни когда-либо еще.

Лекси пересекла комнату и положила руку мне на плечо.

— Стефан, скучать по людям и своей человеческой жизни больно. Но потом станет легче.

— Когда? — Голос дрогнул.

Она посмотрела на портрет, стоящий на столике:

— Не знаю. Это происходит постепенно. — Она замолчала, а потом засмеялась, так легко и открыто, что мне захотелось сесть и никогда не уходить из этого дома. — Дай догадаюсь. Ты хочешь, чтобы это случилось прямо сейчас.

Я улыбнулся:

— Ты хорошо меня знаешь.

Лекси нахмурилась:

— Тебе нужно научиться терпению, Стефан. У тебя впереди вечность.

Повисла тишина. Слово «вечность» звенело в ушах.

Я рывком обнял Лекси, вдохнул ее запах — запах дружбы, и вышел из дома, не оглядываясь.

На улице я принялся корить себя за сентиментальность. Мне надо было многое сделать, а жалость к себе служила оправданием для того, чтобы отложить дела. Я остановился на том месте, где умерла Келли. Там не было пятен крови — никаких следов того, что она вообще жила. Я встал на колени и оглянулся, прежде чем поцеловать мостовую.

Потом я побежал — все быстрее и быстрее. Вставало солнце, и город просыпался. Мальчишки-рассыльные сновали туда-сюда на велосипедах, солдаты Союза маршировали по улицам, держа винтовки в руках, как детей, уличные торговцы располагались на тротуарах, в воздухе пахло сахаром и дымом.

И, конечно, кровью и железом.

Я быстро добрался до вокзала, где на платформе уже стояла толпа. Мужчины в визитках сидели на потертых деревянных скамьях в зале ожидания и читали газеты, а женщины нервно сжимали свои сумочки. На вокзале царил праздник, мимолетности. Идеальное место для охоты. Прежде чем я успел что-то сделать, клыки выдвинулись из десен.

Спрятав лицо в ладони, я досчитал до десяти, борясь с охватившим меня голодом и ожидая, когда клыки вернутся к нормальному виду.

Наконец, я присоединился к людям на платформе и встал в дальнем ее конце. Рядом со мной слились в объятиях двое влюбленных. Солдат запустил ладонь в рыжеватые волосы девушки, а она, приподнявшись на цыпочки, вцепилась в его плечи, как будто вовсе не собиралась отпускать.

Я смотрел на них, думая, что в какой-нибудь другой жизни между мной и Келли могла бы произойти такая же сцена. Она могла бы поцеловать меня, провожая на войну, а потом

ждать моего возвращения.

Раздался свисток, и поезд вкатил на станцию, выплюнув грязное облако и вырвав меня из моих грез.

Вслед за солдатом я сел в поезд, размышляя, ждет ли их с девушкой счастье. Утешение я нашел в мысли, что даже если и не ждет, то по крайней мере я в этом не виноват.

Я зашел в купе пассажирского вагона.

— Ваш билет, сэр? — протянул руку кондуктор.

Я посмотрел на него, и мне стало отвратительно от мысли о том, что придется воспользоваться Силой.

«Пропусти меня».

— Я показывал его вам, — громко сказал я, — вы, должно быть, забыли.

Кондуктор кивнул и отошел в сторону. Поезд тронулся, унося меня в новую жизнь, где я никогда никого не подчиню себе без крайней необходимости и никогда больше не попробую человеческой крови.

Эпилог

Когда я перестал пить человеческую кровь, я стал намного лучше слышать человеческое сердцебиение, сразу понимая по его скорости, грустит ли человек, беспокоится или влюблен. Не то чтобы я много общался с людьми. Покинув Новый Орлеан, я на самом деле стал ночной тварью, спал днем и выходил на улицу, только когда люди уже мирно спали в своих постелях. Но иногда я слышал быстрый стук сердца и понимал, что кто-то вылезает из окна или проскальзывает в дверь, чтобы встретить любимую и провести с ней несколько мгновений.

Слышать это было тяжелее всего. Я всегда вспоминал о Келли, о ее бешено колотящемся сердце и быстрой улыбке. О том, какая она была живая, как не побоялась полюбить меня, зная о моей истинной сущности. Когда я вспоминал наш план побега, то мог только горько смеяться над собой — как я мог подумать, что он сработает? Это была такая же глупая ошибка, как влюбленность в Катерину, как вера в то, что вампиры и люди могут любить друг друга, что разница между нами ничтожна, и на нее можно не обращать внимания. Но в третий раз я не попаду в эту ловушку. Если вампир и человек осмелятся полюбить друг друга, за этим всегда последуют смерть и разрушение. А крови на моих руках хватит не на одну вечность.

Я никогда не узнаю обо всем зле, которое Дамон приносит в мир. Когда до меня доходят слухи о чьей-то таинственной смерти или я вижу в газете статью о кровавой драме, я сразу думаю о своем брате. Его я тоже слушаю, всегда готовый услышать его «братишка», произнесенное с подчеркнутой медлительностью.

Но в основном я слушаю самого себя. Чем дольше я питался звериной кровью, убивая старых белок или лисиц, тем быстрее угасала моя Сила, и теперь у меня осалишь лишь тени былых возможностей. Вместе с Силой я лишился острого чувства радости жизни, но и вина, груз которой мне предстоит нести до конца моих дней, немного притупилась. Такова была сделка — одна из многих, которым мне пришлось обучиться, и одна из очень многих, которые мне придется заключить на протяжении грозящей мне вечности.

Я дал клятву вечно продолжать движение, не задерживаться на одном месте слишком долго и ни к кому не привязываться. Это единственный путь, на котором я не причиню много зла. Потому что Господь спасет нас всех, даже если когда-нибудь я снова влюблюсь в человека...